

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ БЛЕН ДЕ СЕНМОРА В РОССИЮ

Предисловие и публикация Ю. Готье

Имя Блен де Сенмора (1733—1807) и его место во французской литературе определены давно. Он принадлежит к тем забытым ныне писателям XVIII в., которые в своем забвении только оттеняют неувядающую славу великих имен того времени — Вольтера, Руссо, Дидро и других.

Коротенькие биографии, посвященные Блен де Сенмору (более обстоятельных нет вовсе), совершенно согласны между собой в оценке его талантов, как писателя: «Очень чистый и правильный стиль. Много естественности и чувствительности», но надо всем этим «царит какая-то слабость, скука и однообразие». «Напрасно искать у него вдохновения, которое только и создает поэта». Блен более блещет «своими домашними и общественными добродетелями, чем своими талантами»¹. «Нет ни одного труда Блена, который возвышался бы над посредственностью, хотя везде у него чувствуется хороший вкус, сознание того, что нужно и чего не нужно, и большое уважение к здоровым литературным принципам»².

Однако, именно к этому забытому писателю мы и хотели бы привлечь некоторое внимание. Почти во всех биографических заметках о Блен де Сенморе есть указания, что он был литературным корреспондентом великой княгини Марии Федоровны, жены будущего императора Павла, что корреспонденция его сохранилась и что «говорят, она находится в дворцовой библиотеке в Павловске»³.

Несмотря на эти указания, вопрос о корреспонденции Блена до последнего времени оставался в полной мере темным, и ни одной строки из нее не появлялось в печати.

Лишь в середине 1920-х годов было обнаружено, что подлинники писем Блен де Сенмора, действительно, сохранились в библиотеке Павловского дворца, где они пролежали, таким образом, без всякого использования и изучения более 130 лет.

В 1935 г. эти документы были перевезены из Павловского дворца-музея в Москву, в Государственный литературный музей, и попали, тем самым, в поле зрения исследователя.

Настоящее сообщение ставит себе целью ознакомить читателя с корреспонденцией Блен де Сенмора, дать ее краткое описание, выяснить ее содержание, отличительные черты и личность составителя. Публикуемые вслед за вводной заметкой отрывки из корреспонденции дадут читателю возможность самостоятельно оценить этот интересный литературный памятник, специфически свойственный XVIII в.

Рукопись корреспонденции Блен де Сенмора состоит из десяти томов in 8°, в великолепных красных сафьяновых переплетах. Корреспонденция длится с сентября 1781 г. по декабрь 1791 г. За каждый год должно было бы быть по 52 еженедельных письма, нумерованных от 1 до 52, однако, в своем теперешнем состоянии корреспонденция не совсем полна, и, кроме того, в нумерации писем есть ошибки⁴. За редкими исключениями, все письма одинаковы по размеру и содержат по 8 страниц каждое. От первого до последнего, т. е. в течение 11 лет, письма писаны одним и тем же почерком, очень четким в начале каждого письма, быстрым и малоразборчивым в конце.

Ознакомление с корреспонденцией ставит ряд вопросов. Действительно ли корреспонденция Блен де Сенмора в Россию началась с 1781 г. или же начало ее можно отодвинуть к более ранней дате? На этот вопрос наши материалы не дают никакого ответа, никакого, хотя бы косвенного, указания. Но зато есть некоторые глухие намеки, что переписка могла продолжаться и несколько позже конца 1791 г., может быть, до лета 1792 г., т. е. до того момента, когда вспыхнула война и границы Франции закрылись. Во всяком случае, в одной из биографий Блен де Сенмора говорится, что он был корреспондентом Марии Федоровны в течение целых 14 лет.

Но действительно ли изучаемая корреспонденция составлялась Блен де Сенмором и предназначалась для Марии Федоровны? В этом сомнения быть не может. Правда, письма никому не адресованы и не имеют никакой подписи. В этом они существенно отличаются от подлинников известных писем Ж.-Ф. де Лагарпа к Павлу I (тогда еще вел. князю), хранившихся в той же библиотеке⁶. Письма Лагарпа все имеют в начале обращение к «его имп. высочеству великому князю Российскому» и неизменно подписаны «его имп. высочества покорным слугою» Лагарпом. Но если письма Блена и не подписаны им, то имя его и упоминания о его поступках и о некоторых событиях его жизни не раз встречаются в изучаемой корреспонденции. От времени до времени он предлагает своим читателям в качестве литературных новинок свои собственные произведения. Так, в письме от 2 февраля 1782 г. мы читаем следующие строки: «Я имел честь знать графа Скавронского, камергера ее имп. величества, во время двух его путешествий в Париж. С тех пор он не переставал дарить меня свидетельствами своего уважения и благоволения, и, когда я узнал о его женитьбе, я счел долгом выразить ему мою признательность и мою привязанность, написав ему 12 ноября прошлого года следующее послание...». За этим приводится длинная напыщенная ода, принадлежность которой Блен де Сенмору устанавливается и другими источниками. Из письма от 12 февраля 1791 г. мы узнаем о неприятностях, испытываемых Бленом по поводу его трагедии «Иземберга», и о причинах его вражды к Жозефу Шенье (см. в нашей публикации № XXXVIII).

Если Блен де Сенмор повествует о своих огорчениях, то в других случаях он не прочь поделиться с читателем своими успехами. В письме от 8 апреля 1786 г. он сообщает, что «Г-н Блен де Сенмор только-что получил орден св. духа в качестве историографа королевских орденов. Этой должности, одной из наиболее ценимых в литературных кругах, добивалось множество литераторов и других лиц, опиравшихся на самые могущественные рекомендации. Мотивировка назначения, изложенная в дипломе короля, при пожаловании ему места, делает очень большую честь этому литератору». Тем же тоном достоинства и гордости Блен сообщает своим читателям, что он избран членом комиссии для редактирования наказа от Парижа (письмо от 2 мая 1789 г.): «Город Париж выбрал г. Блен де Сенмора одним из редакторов своего наказа совместно с 36 другими членами комиссии самого различного общественного положения, в том числе с несколькими академиками и литераторами, каковы г. Мармонтель, г. Бальи, г. Гайар, г. Сюар, г. Вовилье, г. Эуэн, г. Лакретель и т. п.».

Блен де Сенмор был одним из основателей Филантропического общества, возникшего в 1778 г., и до революции оставался одним из его самых активных членов. Об успехах общества Блен всегда сообщает с нескрываемой радостью и гордостью, а иногда ставит общество в образец людям, вмешивающимся в дела благотворительности и, по мнению Блена, предлагающим фантастические и мало практичные проекты. Таково именно его отношение к благотворительным проектам, выдвинутым в 1786 г. Бомарше (см. № XV).

Итак, можно не сомневаться, что составителем корреспонденции был именно Блен де Сенмор. Нет сомнений и в том, что, раз корреспонденция хранилась в Павловском дворце—одной из резиденций Павла I,—она предназначалась кому-нибудь из

его семьи. Впрочем, Блен сам сообщает, что среди читателей его корреспонденции, направлявшейся в Россию, находилась жена Павла—Мария Федоровна. Он сообщает об этом, рассказывая о пребывании в Париже графа и графини Северных (7 мая—7 июня 1782 г.). Упомянув, что он был представлен графине Северной, Блен прибавляет: «Ее имп. высочество соблаговолили сообщить мне, что я имею честь иметь ее среди моих читателей. Я не знал о моем счастье, а теперь испытываю новое, услышав об этом из ее уст».

Известно, что во время революции Блен де Сенмор, потеряв все средства к существованию и очутившись в нищете, получил от Марии Федоровны помощь в размере 2 000 экю, что должно было составить не менее 2 500 руб. на русские деньги. Помощь эта была оказана, вероятно, в 1792 или 1793 г., и в ней следует, как кажется, видеть экстренную оплату услуг литературного корреспондента, и ранее, конечно, получавшего вознаграждение за присылаемые письма, в тот момент, когда его деятельность должна была прекратиться, вследствие развития политических событий и, вероятно, вопреки желанию как самого составителя писем, так и его читателей.

За отсутствием источников оказалось невозможным точно выяснить, была ли Мария Федоровна единственным лицом, получавшим корреспонденцию Блена, или у него были и другие читатели. Первое из этих предположений маловероятно. Литературные корреспонденции, классическим образцом которых является корреспонденция Гримма, были довольно распространенным видом литературной продукции XVIII в., свойственным одной этой эпохе. Они всегда велись без огласки, в полусекрете. Ведь даже состав и число лиц, получавших корреспонденции Гримма, до сих пор не вполне установлены. Из читателей корреспонденции Блена нам известна пока только одна Мария Федоровна. Однако, среди владетельных домов Европы, особенно же Германии, а также среди магнатов различных стран должно было быть достаточно большое число лиц, воспитанных на французский лад, которые желали всегда быть в курсе того, что делалось в столице цивилизованного мира, какой считался в то время Париж, и которые поэтому должны были обращаться к специальным и приватным корреспонденциям, выходившим из под пера квалифицированных парижских литераторов. Вел. княгиня Мария Федоровна, урожденная принцесса Вюртембергская, сама выросла в местности, где говорили на французском языке. Жизнь в замке Этиуп, любимой резиденции Монбельярских владетельных князей из Вюртембергского дома, была более французской, чем немецкой. Быть может, именно в сторону архивов и библиотек прежних вюртембергских герцогов и королей следует направить поиски, если задаться целью найти следы других лиц, получавших корреспонденцию Блен де Сенмора. Во всяком случае, последний, за какой бы лестью он ни гнался, не мог бы сказать, представляясь Марии Федоровне, что он не подозревал о чести иметь ее читателем, если бы она была, на самом деле, его единственным читателем. Из этих слов можно, наоборот, сделать вывод, что у него было несколько абонентов, да разве еще сделать предположение, что в ранние, по крайней мере, годы письма Блена, отправляемые в Петербург, адресовались не прямо Марии Федоровне.

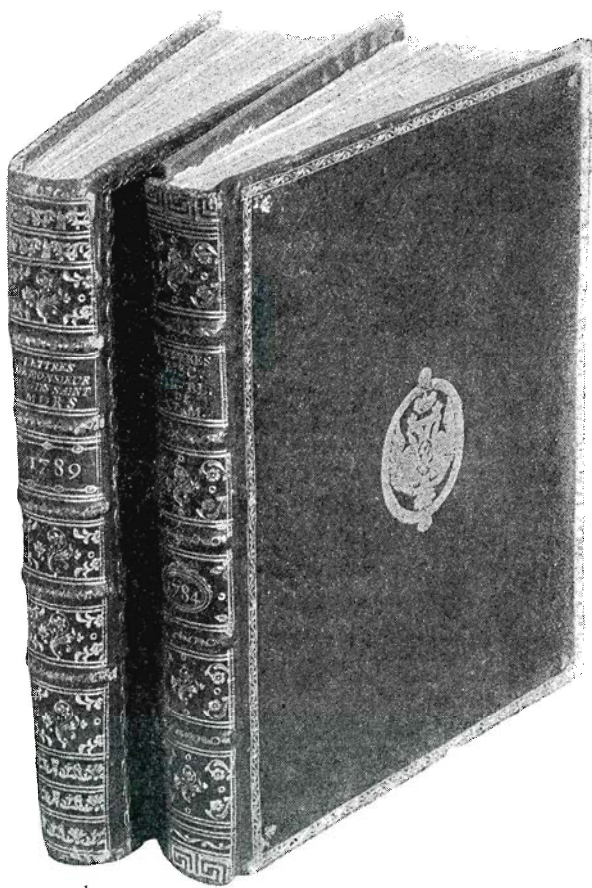
Таким образом, в начале 1780-х годов все три взрослых лица, которые составляли в то время российскую императорскую фамилию, т. е. Екатерина, Павел и Мария Федоровна, имели каждый своего литературного корреспондента в Париже: Екатерина — Гримма, Павел — Лагарпа, его жена — Блен де Сенмора. Корреспонденции первых двух, изданные впервые более столетия назад и хорошо известные, могут служить отправной точкой для определения основных и наиболее характерных черт литературной корреспонденции Блен де Сенмора. Корреспонденция Лагарпа почти исключительно литературная в узком смысле этого понятия. В письмах, адресованных Павлу, Лагарп сообщает о литературных новостях, дает очень подробный и серьезный разбор их и часто строго их критикует. Ничто не может выбить его из привычной колеи,

заставить выйти из рамок чисто литературной критики, ничто не может заставить его изменить план, содержание и стиль его писем. Политическим событиям он отводит гораздо меньше места и о них говорит реже. Письмо, написанное на другой день после взятия Бастилии, столь же спокойно и академично, как если бы оно было написано десятью годами ранее. Корреспонденция Гримма более остроумная и едкая, таюже по преимуществу литературная. Однако, в ней есть сообщения и о политических событиях, о том, что происходит в парижском свете и в литературном мире; он собирает слухи и обходящие Париж сплетни и все это преподносит своим читателям в неизменно остроумной форме, не лишенной подчас злобной иронии. Корреспонденция Блен де Сенмора, может быть, не столь учена и не столь едка, как корреспонденции его более знаменитых современников. Можно, пожалуй, сказать, что она проще, но, вместе с тем, и разнообразнее. Схема писем не меняется почти вовсе, по крайней мере, за годы до революции. Основное место занимает изложение или критический разбор очередной книжной новинки, литературной, научной или политической. Блен сообщает о новостях самого разнообразного характера, начиная от книги, посвященной искусству плавать, и кончая политическими памфлетами Мирабо. Слог Блена очень легкий и изящный. Его критика, по большей части, очень умеренная; ей нигде нельзя отказать в тонкости, но едкой она бывает очень редко. Блен де Сенмор раздражается с трудом; тогда в его словах появляются нотки, показывающие, что он обижен и чувствует себя оскорбленным в своем достоинстве. Это чаще всего бывает тогда, когда он говорит о Лагарпе, которого терпеть не может, или о Жозефе Шенье, которого считает интриганом и плагиатором и с которым у него личные счеты. То же можно наблюдать, когда он разбирает политическую брошюру или иное сочинение, не согласное с его политическими взглядами; в этих случаях у него слышится негодование «добродетельного» и «умеренного» человека, и нужно сказать, что чаще всего это случается, когда дело идет о памфлетах Мирабо. За критическими разборами следуют сообщения о музыкальных новинках, о новостях из литературного и особенно театрального мира и анекдоты, которыми так увлекались в XVIII столетии. Далее идут сообщения о жизни при дворе и в большом парижском свете. Об этом, так же как о политических событиях, Блен де Сенмор с удовольствием говорит со своими читателями. Все это перемешано с эпиграммами на выдающихся деятелей. Блен выбирает наиболее, по его мнению, остроумные. Он все время старается найти что-нибудь неизданное, свежее, неизвестное. Особенное удовольствие доставляет ему отыскать и процитировать какой-нибудь неизданный отрывок крупного писателя, например, Вольтера или Руссо.

Со времени собрания нотаблей в 1787 г. общий тон корреспонденции Блена начинает постепенно меняться. Политические новости начинают занимать в его письмах гораздо больше места, чем раньше. О самом собрании нотаблей он рассказывает много и подробно. Письма конца 1788 и первых месяцев 1789 гг. полны изложения содержания бесчисленных политических брошюр того времени. Генеральные штаты и Национальное собрание наносят новый удар литературной части корреспонденции. Блен де Сенмор сам не раз жалуется на упадок литературы и на уменьшение интереса к ней среди вихря политических событий. «Только и разговоров, что о том, что происходит в Генеральных штатах», — пишет Блен 30 мая 1789 г. — «При теперешних необыкновенных обстоятельствах политические известия гораздо богаче и интереснее литературных; последние теперь ничтожны и пусты» (август 1789 г.). Он продолжает в том же духе год спустя: «Уже давно забросили литературу и занимаются только политикой, и когда находишь случай поговорить о красноречии и о поэзии, то воображаешь, что попал в какой-то новый мир» (август 1790 г.). Словом, с 1789 г. корреспонденция Блена становится скорее политической, чем литературной; этим она резко отличается от корреспонденции Лагарпа за те же годы.

Чтобы иметь возможность лучше судить о литературных и политических взглядах Блена, надо сообщить некоторые черты из его биографии.

Адриен-Мишель Блен де Сенмор родился в 1733 г. в семье буржуазного происхождения, но успевшей, хотя, повидимому, и не слишком давно, получить дворянство. Ведь для получения ордена св. духа Блену нужно было доказать, что он дворянин только в третьем поколении. Семья была разорена банкротством Дж. Ло. Первые шаги Блена в литературном мире были очень трудны. Вот почти все, что известно о его моло-

СБОРНИКИ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ БЛЕН ДЕ СЕНМОРА

Литературный музей, Москва

дых годах. Впоследствии ему покровительствовал Вольтер. Героические поэмы, с которыми он выступил около 1760 г., были встречены холодно. Из его драматических произведений одна только трагедия «Орфанис» имела длительный успех и продержалась на сцене до 1803 г. Его поэтическая деятельность, в общем, дала ему больше разочарований, чем славы и материальной прибыли. Обеспеченное существование открылось перед ним только, когда ему было уже за сорок лет, после того, как он в 1776 г. получил должность цензора и пенсию из фондов «Gazette de France», став, таким образом, чиновником и защитником «старого порядка» на наиболее уязвимом его фронте. Конечно, образованный француз второй половины XVIII в., за редкими исключениями и если только он не принадлежал к придворной знати, не мог не критиковать существующих порядков и не желать реформ; желал их и Блен, но он желал их в рам-

ках, намечавшихся Неккером, который и оставался его идеалом вплоть до 1790 г. По своим политическим взглядам он примыкал, таким образом, к монархистам-конституционалистам, т. е. к группировке крупной буржуазии и либерального дворянства. Даже после бегства Людовика XVI в 1791 г. особа короля остается для Блена священной. В 90-х годах, в разгар революции, он впал в крайнюю бедность и жил несколько лет только на присланные от в. кн. Марии Федоровны деньги. В 1796 г. он получил должность хранителя государственных архивов Франции. Его последним литературным трудом была двухтомная история России⁶.

Умеренность и изящный вкус в литературных делах, умеренность и полное отсутствие всякого революционного духа в политике — вот основные черты Блен де Сенмора, как литературного корреспондента и, силою вещей, с 1789 г. политического хроникера. Впрочем, здесь необходимо сделать одну оговорку. Ведь Блен посылал свою корреспонденцию заграничным коронованным особам. И возможно, что эта клиентура Блена невольно заставляла его и в 1791 г. держаться в своей корреспонденции того же политического тона, какой установился в ней с 1781 г.

Несколько отдельных черт из его корреспонденции позволяют уточнить взгляды Блена на явления литературного и политического мира. Великие имена XVIII в. — предмет его культа: он старательно сообщает отрывки, неизданные четверостишия Вольтера; он с наслаждением делится со своими читателями неизданным письмом, описывающим образ жизни Вольтера в Ферне перед последней поездкой его в Париж (см. № XIX). Церемонию перенесения праха Вольтера в Пантеон, последний триумф великого писателя, он описывает во всех подробностях. Но тут он все же кое-чем недоволен. Слишком много шума и грохота, слишком много кричащего. «Находили, — говорит он, — что вся церемония больше походила на маскарад, чем на церемонию, требовавшую достоинства» (см. № XL). Вот об этом «достоинстве», утерянном в революционных событиях, и жалел больше всего Блен.

Столь же глубокие чувства питает он к «несчастному Жан-Жаку». Он восхищается «чувством восторга и негодования, внушаемым ему испытываемыми им впечатлениями», «его чрезмерной чувствительностью, постоянно вводимой в заблуждение его слишком деятельным воображением»; он не может освободиться «от чувства боли и не быть растроганным, видя, как гениальный человек истязает себя, измышляя себе беспокойство, и пользуется своим талантом и красноречием, чтобы доказать, что в интересах всех людей не признавать его и что для него нет более счастья на земле» (см. № IV).

Блен умеет распознавать настоящие литературные таланты и выявляет их перед своими читателями. Он приветствует запоздалое выступление Бернарден де Сен-Пьера на литературном поприще: «С жадностью читают новую книгу под заглавием *Этюды о природе*. Ее приписывают некоему Бернардну де Сен-Пьеру, близкому другу и горячему стороннику покойного Ж.-Ж. Руссо: в описаниях природы он, кажется, унаследовал часть талантов своего друга» (см. № XIX).

Блен де Сенмор полон уважения к Дидро. Вскоре после его смерти он посвящает ему целое письмо, озаглавленное: «Похвала г. Дидро» (см. № XVI). Впрочем, и в Дидро ему не нравятся две вещи: он предпочитает обойти молчанием нападки Дидро на Гельвеция, «знаменитого и несчастного философа, который был ранее его другом и которого пепел еще дымился»; ему также очень несимпатичны драматические произведения Дидро — эти яркие проводники новой буржуазной морали и освободительных идей предреволюционной эпохи; они «дурного вкуса», и он сожалеет, что «даже некоторые столичные писатели» увидели в этих пьесах «единственный подходящий для театра вид творчества»: «столь ошибочное мнение извратило бы весь национальный характер французского театра и привело бы французскую сцену к гибели, если бы только люди хорошего вкуса не воспротивились этому потоку».

Фигуры Бомарше и Мирабо, наоборот, вполне закономерно ощущаются Бленом, как явления социально и литературно враждебные, хотя он и не всегда умеет дать себе в этом отчет. Они ослепляют и смущают его в одно и то же время. Его отзыв о первом представлении «Свадьбы Фигаро» полон сомнений и оговорок (см. № IX). Критика Блена по поводу авторского предисловия к этой комедии, напечатанного в 1785 г., еще более резка и враждебна (см. № XX). Бомарше и его шумной деятельности в годы после появления знаменитой комедии Блен вообще уделяет много внимания. Он издевается над филантропическими проектами Бомарше, глубокомысленно противопоставляя им «разумные и практические средства», которыми пользуется патрунуемое им Филантропическое общество, он постоянно возвращается к процессу Кормана, и все его симпатии отнюдь не на стороне автора «Свадьбы Фигаро» и т. д.

Что касается Мирабо, то об этом прославленном вожде и трибуне первых лет революции Блен с удовольствием сообщает в своих письмах лишь самые злые отзывы и эпиграммы. Все книги и брошюры, выходящие из под пера Мирабо, представляются Блену «подлостями, возмущающими до последней степени всех граждан» (см. № XXXI). Можно сказать, что самое имя Мирабо пугает Блена; он в этом почти признается в письме от 7 мая 1791 г., где сообщает «о почестях, воздаваемых его праху», и о слухах, ходивших о нем после его смерти (см. № XXXIX).

Мы уже говорили выше, что, начиная с 1789 г., корреспонденция Блен де Сенмора становится более политической, чем литературной. Литературные новости, о скудности которых Блен так часто сожалеет, занимают в ней все меньше и меньше места. Эпиграммы, которыми он так любит приправлять свои письма, являются уже не литературными, а чаще всего политическими эпиграммами. По мере того, как парижские театры, особенно Французская комедия, делаются политическими трибунами, где пьесы оцениваются не столько по их литературному достоинству, сколько по политическим симпатиям зрителей, Блен все чаще жалуется на упадок искусства вообще и, в частности, той «школы хорошего вкуса», какой был театр Французской комедии (см. № XXXVII).

С 1789 г. литературная корреспонденция Блен де Сенмора приобретает характер политической хроники, излагаемой человеком, большая часть жизни которого протекала при старом порядке (ему в это время было уже около 60 лет), человека образованного, воспитанного в школе «хорошего вкуса» XVIII в., доброго слуги короля, чуждого политики и обладавшего добрым характером. Для того, чтобы судить о его взглядах на первые шаги революции, достаточно, может быть, прочесть его описание открытия Генеральных штатов 5 мая 1789 г. (см. № XXXII). Он, прежде всего, описывает процессию депутатов, сообщает о громадном стечении народа и о полном внешнем порядке, царившем на улицах, причем прибавляет, что «королю был оказан самый единодушный и самый трогательный прием». Блен де Сенмор, однако, не реакционер и не придворный льстец. Его симпатии скорее на стороне третьего сословия, а некоторые действия привилегированных сословий ему очень не нравятся. «Очень многие приветствовали также третье сословие,—сообщает он.—Но с прискорбием было замечено, что епископы и все высшее духовенство оставили большое расстояние между собой и священниками и другими духовными недворянского происхождения. Такое разделение было тем более чувствительно, что духовные лица, прелаты и др., должны подавать пример смирения и согласия». Он ничего не говорит о речи хранителя печатей Барантена, ничтожной, как сам оратор, и которой «никто не слышал». Но Неккер все еще его большая симпатия и его надежда, и он с сожалением отмечает, что в числе депутатов находятся два его больших врага—Мирабо и д'Эпремениль—и что первый уже проявил «самым возмутительным образом» свое нерасположение генеральному директору финансов «своими нападками на него в „Газете Генеральных Штатов“». Он с негодованием и горечью говорит, что среди депутатов третьего сословия слишком много адвокатов: «По правде сказать, я думаю, что из-за адвокатов мы проиграем самое лучшее из дел.

Нет ничего невыносимее, нетерпимее и болтливее, чем это сословие». Блен заканчивает свое описание изложением решений, принятых всеми тремя сословиями после закрытия заседания. Весь рассказ написан очень спокойно, и автор добросовестно старается быть беспристрастным. Но мы все же напрасно стали бы искать у него хотя бы намек на какой-нибудь революционный порыв или на энтузиазм к новой эре, в которую входила Франция. То же самое впечатление остается от описания Бленом других великих революционных событий—взятия Бастилии, движения на Версаль 5 и 6 октября и т. д. Всегда все те же старания стать выше страстей, та же верность королю, те же симпатии и склонности ко всему умеренному, те же сожаления по поводу всяких эксцессов. Впрочем, к концу 1791 г. в стиле его корреспонденции все-таки намекаются какие-то сдвиги. Революционный поток как будто овладевает и им, или, может быть, Блен, встречавший революцию скорее со страхом, теперь мало-помалу привыкает к ней, хотя, может быть, и против своей воли. Однако, это только слабые оттенки, несколько отдельных слов и выражений, которые приходится разыскивать в его письмах.

В качестве нового источника для изучения литературной и политической Франции кануна и первых лет революции 1789 г. корреспонденция Блен де Сенмора представляет несомненный интерес. Однако, полное издание этого обширного эпистолярного собрания еще впереди. Здесь мы ограничиваемся выборочной публикацией небольшой части отрывков из корреспонденции, относящихся к некоторым явлениям, фактам и эпизодам из области литературы, театра и лишь отчасти политики⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Michaud, Biographie universelle. Nouvelle édition, P., 1843, IV, pp. 442—443.

² «Nouvelle biographie universelle», publiée par F. Didot frères, P., 1858, VI, p. 253.

³ «Grande Encyclopédie», статья: Blin de Saintmore.

⁴ В рукописи есть следующие пробелы:

1781 г. начинается только с 38-го письма, датированного 22 сентября; за конец года дошло 13 писем: №№ 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50 и 51; №№ 42 и 52 отсутствуют.

1782 г.: отсутствуют письма №№ 8, 14, 17, 19, 22, 24—42, 45—52.

1783 г.: отсутствуют письма №№ 1, 2, 3 и 4.

1786 г.: отсутствует письмо № 13.

1789 г.: отсутствует письмо № 1.

Очень вероятно, что пробелы за 1781 и 1782 гг. можно отчасти объяснить тем, что конец 1781 г. и большая часть 1782 г. совпадают с путешествием Павла и его жены по Европе. Письма, получавшиеся в пути, не собирались и не хранились особенно тщательно. Однако, этим нельзя объяснить исчезновение первых 37 писем 1781 г.

В нумерации писем имеются ошибки. За 1784, 1785 и 1788 гг. насчитывается по 53 письма, между тем, за 1784 г. не хватает № 19, за 1785—№ 37, за 1788—№ 50, в то время как все письма неизменно следуют одно за другим через 7 дней.

⁵ Ныне тоже хранятся в Государственном литературном музее в Москве.

⁶ «Histoire de Russie représentée par figures gravées par F. A. David d'après les dessins de Monet, accompagnées de discours par Blin de Saintmore». 2 vols. in 4°, P., 1798—1799. В 1813 г. вышло 2-е посмертное издание в 3-х томах in 8°, заканчивающееся рассказом об убийстве Павла. Центр тяжести этого издания лежит в прекрасных гравюрах довольно фантастического содержания, иллюстрирующих события русской истории от призвания варягов до царствования Павла. Сопроводительный текст к рисункам составлен Бленом по известному в его время труду L'évesque, Histoire de Russie (6 vols. in 12°, Yverdon, 1782—1783). Текст этот полон ошибок и искажений фактов; предвзятых мыслей в нем нет, но он может служить образчиком популярного изложения истории России, предназначенного для широких кругов французской публики конца XVIII столетия.

⁷ Ряд интересных отрывков, относящихся к отставке Неккера в 1781 г., к делу об ожерелье королевы и к заключению Бомарше в тюрьму С.-Лазар, опускается нами, так как тексты их были использованы в печати. См. статьи Н. С. Платоновой: «Накануне Французской революции» и «Критический момент в жизни Бомарше», напечатанные в первой и третьей книжках журнала «Анналы» (Ленинград, 1925 и 1926).

I

Париж, 2 февраля 1782 г.

...Если бы автор трагедии представил на сцене противоположность между естественными и простыми нравами дикаря и утонченным и ловким вероломством цивилизованного человека, и если бы для того, чтобы подчеркнуть такой контраст, он вывел на сцене лжеца и честолюбца-попа, который, добиваясь вершины власти, хочет убить короля и его наследника, в то время как дикарь, движимый только чувством справедливости

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ФЕДОРОВНА

Портрет маслом А. Рослина, 1777 г.

Эрмитаж, Ленинград

и гуманности, оберегает отца и сына от ловушек злодея и спасает им жизнь, убив узурпатора со словами: «вот цивилизованный человек; узнай же, что такое дикарь», — то я убежден, что зритель, восхищенный столь новым и философическим зрелищем, будет аплодировать с восторгом. Такова именно цель, которую ставил себе автор трагедии «Манко-Капак», поставленной в 1763 г. и возобновленной в прошлый понедельник. Однако, несмотря на прекрасный сюжет, избранный г. Ле-Бланом, исполнение трагедии посредственно, интрига пьесы запутанна, действие ее вяло, события надуманны и мало интересны, характеры действующих лиц непоследова-

тельны, слог, кроме некоторых мест и отдельных стихов, небрежен и плосок и в то же время напыщен; поэтому трагедия не произвела почти никакого впечатления.

В новой опере «Двойное испытание, или Колинетта при дворе» нравятся только некоторые прелестные музыкальные отрывки. В нижеприводимой эпиграмме изложено в стихах то, что я уже сообщал о либретто.

В искусстве мастером не став,
Борясь с Фаваром, ты неправ:
Узнаешь разочарованье.
Ты будешь побежден в борьбе.
Чтоб зрителей привлечь вниманье,
Найми ты правщика себе.

II

Париж, 9 марта 1782 г.

...Среди новостей, появившихся за последнюю неделю, отмечают книгу, вышедшую под заглавием «Poésies fugitives». Она принадлежит перу г. Ле Миерра, члена Французской академии. Книга открывается довольно холодными поэмами, которые, однако, получили премии в разных академиях. В одной из них можно найти очень известный стих, который избрали своим девизом многие корабли в наших гаванях:

Трезубец Нептуна есть скипетр мира.

Затем идет несколько посланий с остроумными мыслями и поэтическими деталями. Среди них есть три стихотворения, уже напечатанные в журналах. Первое называется *Восход солнца*, вольное подражание русскому поэту. Оно начинается следующими прекрасными стихами:

Déjà l'astre du jour s'est emparé du ciel,
Il lance par faisceaux ses rayons sur la terre,
Et je découvre à sa lumière
Les prodiges sortis des mains de l'Eternel.
Mon âme, élance-toi vers cette clarté pure;
Des portes du matin admire la Nature
Et remplis-toi de son auteur.
Ah, si nos yeux pouvoient, sans blesser leur paupières
Approcher du Soleil, contempler sa splendeur
Et s'enfoncer dans sa lumière!
Ils ne verroient qu'un océan de feu
Que ne bornent aucuns rivages
Que tourbillons brûlants luttant sans cesse entre eux
Et dès la naissance des âges
Embrasent la plaine des cieux¹.

Мне кажется, что эту картину можно отнести к редким по своему великолепию образцам поэтического творчества.

III

Париж, 25 мая 1782 г.

Впечатление от комедии «Льстец», произведения г. Лотье, оправдало при чтении то суждение, которое я уже высказал после его представления.

Как известно, Жан-Батист Руссо уже касался этого сюжета², и даже по отзыву г-на де Вольтера, который не любил ее, это была лучшая его пьеса. Действительно, хотя она и грешит недостатком действия, она выше всех комедий, которые появляются в настоящее время. Характер «льстеца» обрисован превосходно. Сцена, в которой он добивается от Доранта отказа от своего слова, ведется с необычайным искусством, а следующая сцена 5-го акта, где «льстец» разоблачается без какой бы то ни было обиды тому, кто им обольщен, принадлежит к наилучшим сценическим произведениям. Другое достоинство этой пьесы состоит в том, что она написана очень правдиво и естественно.

«Льстец» г. Лотье имеет все недостатки «Льстеца» Руссо и не имеет его качеств; все же новая пьеса обличает в авторе настоящий комический талант. В ее деталях есть такие места, которые позволяют возложить на автора большие надежды, если он только найдет сюжет более подходящий и более богатый комическими чертами.

Я приведу только одно место:

...некогда вельможа утверждал,
Что, в школе не учась, он все, однако, знал;
А ныне не подозревает,
Что учится всему, но ничего не знает.

Эта мысль нова и правдива. В старое время большие господа действительно были полными невеждами и рассуждали обо всем. Теперь они читают курсы по химии, ботанике, анатомии, естественной истории, гиппиарии и т. д. и все-таки знают не больше, чем прежде.

В данный момент здесь только и говорят, что о приезде графа и графини Северных в Париж³...

Вчера граф и графиня были во Французской комедии. Их присутствие привлекло огромное стечение публики, которая выражала свою радость и удовольствие не раз повторявшимися рукоплесканиями. Давали «Танкред»⁴ и «Опасного человека». Хотя актеры старались превзойти самих себя, трагедия не произвела своего обычного впечатления, но роль «опасного человека» так превосходно передается Моле и Превилем, что недостаток действия и несообразности этой пьесы совсем не были заметны. Никогда не было такой естественной и совершенной игры.

Комедия «Женитьба Фигаро» г. де Бомарше испытала некоторые затруднения в цензуре, но они только-что сняты, и артисты Комедии не замедлят поставить эту столь давно ожидаемую пьесу.

IV

Париж, 8 июня 1782 г.

«Одинокими мечтаниями»⁵ оканчивается 2-й том «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо. Они разделяются на 10 прогулок. В них философ предается чувствам упоения и негодования, возбуждаемым в нем впечатлениями. В одних местах он с наслаждением вспоминает свои первые радости. В других он описывает преследования, которым он подвергался со стороны своих врагов, и свои прошлые несчастья, и возможно, что его воображение часто преувеличивает и радости и неудачи. Именно здесь с большей силой, чем где бы то ни было, проявляются его беспокойство, его подозрительность и его обидчивость. Ребенок, просящий у него милостыни и называющий его при этом по имени, уже внушает ему панический страх. Инвалиды,

проходящие мимо него, не смотря на него и не кланяясь, приводят его в состояние горести и безнадежности. Чрезмерная чувствительность, подогреваемая вечно деятельным воображением, заставляет его в самых безразличных вещах видеть общий заговор всех его современников, создаваемый для того, чтобы мучить и унижать его.

Описание острова Сен-Пьер на Биеннском озере, которое мы находим в одной из его «прогулок» и где он нашел убежище после своего дела в Мотье-Траве⁶, дышит такой прелестью, что невольно разделяешь его восторг. Это, бесспорно, лучшее место в его «Мечтаниях».

Как бы то ни было, оплакивая печальную хрупкость человеческого ума, нельзя удержаться от чувства скорби и жалости, когда видишь, как гениальный человек истязает себя, измышляя причины беспокойства, и пользуется своим талантом и своим красноречием, чтобы доказать, что никто его не признает и что для него не существует счастья на земле. Мне все же кажется, что если у этого знаменитого и несчастного человека были враги, преследовавшие его, то у него было также не мало друзей и сторонников, которым следовало бы поддержать его. Если бы у него было поменьше чувствительности и побольше жизненной философии, то он бы должен был презирать первых и никогда не забывать о вторых...

...Актёры Французской комедии репетируют в настоящее время «Английских журналистов», трехактную комедию г. Кайава⁷, долго задерживавшуюся цензурой; они собираются поставить ее в самом близком времени.

Французский театр⁸ объявил на сегодняшний день «Иоанну Неаполитанскую»⁹ с переделанным 5-м актом, но кажется, что придворные празднества помешали назначенному спектаклю.

В настоящее время пребывание графа и графини Северных поглощает все политические и литературные новости. Только ими и занимаются, только и справляются о том, что они делают и что они говорят...

...В прошлую среду высокие супруги были на заседании Королевской академии наук, где были приняты графом де Майбуа и астрономом г. де Лаландом¹⁰. Маркиз де Кондорсе¹¹, в качестве секретаря, открыл заседание чтением отрывка, в котором, воздав хвалу царю Петру I и знаменитому г. Галлеру¹², поздравил Академию с честью, оказанной ей в этот день. Граф и графиня Северные выказали много чувствительности по поводу этого комплимента. Затем несколько членов прочли научные рассуждения; но потому ли, что у читавших был слишком слаб голос или потому, что они были изложены сухо и неинтересно, эти рассуждения оставили мало впечатления.

Сегодня вечером граф и графиня должны присутствовать на парадном балу, который король дает им в Версале, а завтра они должны посетить Марсово поле, где будут смотреть учение французской гвардии.

Г-н де Бомарше имел честь прочитать перед графом и графиней Северными свою комедию «Женитьба Фигаро», которая, кажется, им очень понравилась. Чтобы засвидетельствовать автору свое удовольствие, граф Северный соизволил согласиться на посвящение ему пьесы¹³.

V

Париж, 8 февраля 1783 г.

Г-н де Бомарше, принеший столько в жертву своему сарказму и своей способности высмеивать всех и все, встретил, наконец, противника, не побоявшегося померяться с этим опасным бойцом. Некто, оставшийся

неизвестным, роздал украдкой в нескольких домах брошюру, озаглавленную «Письмо г-на Х., члена общества Парижских водопроводов, г-ну Карону де Бомарше¹⁴». Эта шутка появилась после записки, которую г-н де Бомарше подал королю с просьбой сложить все платежи и налоги с материалов, необходимых для предприятия по изготовлению пожарных насосов, одним из участников которого он состоит, как, например, с железа, свинца, леса, угля и т. п. Это и составляет главное содержание письма; поэтому я обхожу вступление, в котором есть забавные напоминания об успехах г-на де Б. во всех его делах, о записках, которые

ПАВЕЛ I

Миниатюра неизвестного художника XVIII в.

Собрание Н. И. Тютчева, Москва

он подавал, о революции, которую он хотел сделать в области комедии, но которой не сделал, о его манифесте против Англии и т. д. Я ограничусь тем, что предложу вниманию читателя разбор прошения, поданного г. де Б. королю.

«Наше предприятие вы посвящаете королю. Что ж! Пусть королю посвящаются пожарные насосы, как ему посвящается комедия, хотя бы и такая веселая, как «Севильский цирюльник». Вы начинаете так: «Если посвящение добродетельного поступка...». Прошу извинения, г. Карон де Б., я не думаю, чтобы предприятие было поступком, и я хотел бы, чтобы с королем Франции говорили по-французски. Далее вы прибавляете, что мы имели мужество пожертвовать Парижу, у которого достаточно денег, 3 миллиона, чтобы снабдить его водопроводами, что мы истратим еще столько же для этой благородной цели и что ни одна ассоциация не приносила еще столь полезного и столь велико-

душного дара. Знаете, ведь вы вселяете в меня тревогу. Объяснитесь, пожалуйста. Я люблю свое отечество не меньше других; хотя я и деловой человек, но душа у меня не железная, и я вовсе не хочу терять 100 000 экю, которые я внес в качестве моей доли в Компанию парижских водопроводов. Вы уверяете, что это—самый великодушный дар. А мне вы твердили, что это самое выгодное дело. Так мы и говорим о нем между собою, когда не обращаемся к королю в печатном листке, обегаящем весь Париж гораздо скорее, чем наша вода. Правда, мы еще не получили прибылей на наши взносы. Но ведь и момент еще не пришел. Мы никогда не ждали, что наши 100 000 экю дадут нам 20 000 в 1-й год или 40 000 на второй, но я хорошо помню, что мы рассчитали, что капитал, вложенный в это предприятие, через некоторое время даст нам 20—25 % ежегодной прибыли вместо обычных 5 %. За такую цену снабжать водой Париж—прекрасное дело. Вот как я понимаю великодушие. Согласитесь, что и вы понимаете его так же точно и что вы вложили часть ваших денег в наше предприятие вовсе не из любви к общественному благу, да и не любовь ваша к 13 штатам заставила вас вооружать корабли в пользу Америки в начале восстания. Что касается меня, то я охотно буду благодетелем человечества и пушу мои деньги в оборот в Старом и Новом свете, если только они будут приносить мне 20 или 30 %. Я хотел бы, дорогой сочлен, чтобы вы говорили о нашем предприятии в менее выпренных, но зато в более правдивых выражениях, и чтобы вы сказали, что предприятие, над которым мы работаем, прежде всего выгодно нам, а затем уже, что оно будет полезно всему Парижу. Тогда бы вам поверили. Неужели же вы хотите, чтобы вас сочли столь бескорыстным и великодушным в деле, совершенно таком же, как другие наши дела, которые дают нам,—вам и мне,—прекрасный собственный дом, открытый стол, восхитительный загородный домик и экипажи на все вкусы.

Вы говорите также, что долг выдвинуть столь грандиозный проект и гордость проведения его в жизнь должны бы были, может быть, принадлежать только самому правительству. Я не знаю, ни что такое «долг проекта», ни что такое «гордость проекта». Однако, вас понимают и под богатым занавесом находят определенную истину. Все же, когда обращаешься к своему государю, не следует делать ему замечания и говорить, что вы сделали то, что ему самому следовало сделать. Ведь, в конце концов, у нас правительство—не кто иной, как король».

Отметив софизмы и пафос, содержащиеся в прошении г. де Б., аноним, продолжая в том же тоне, приводит, несколькими страницами дальше, собственные слова г. де Б.:

«Прежде чем извлечь самую незначительную прибыль из вложенных капиталов, Компания водопроводов считает себя счастливой предложить управлению этого великого города на вечное время и бесплатно всю воду, требуемую для тушения пожаров, а чтобы все обилие воды, необходимое для столь ужасной надобности, никогда не задерживалось и не прекращалось, компания намерена доверить начальникам парижских пожарных депо ключи от всех водных резервуаров, образцом которых может служить тот из них, быстрое и сильное вытекание которого компания только-что показывала членам городского магистрата, исходя из такого расчета, чтобы во всякое время и во всех местностях города можно было из любого громадного отвер-

ствия трубы наполнить все вместилища пожарной службы (если пожар далеко), или же, если место пожара находится в непосредственной близости, то воспользоваться сильной и непрерывной струей в 50 футов высоты. Мощные краны непосредственно сообщаются по артериальным трубам с четырьмя большими резервуарами в Шайо. Последние, наполняемые при помощи огневой машины, дадут в распоряжение общественной безопасности неиссякаемую водную массу из 50 000 источников, предназначенную безвозмездно для ее сохранения».

Все сказанное выше извлечено из прошения г. де Б. Аноним отвечает на это следующее: «Какие фразы и какие слова! Сколько шума вы производите нашими водопроводами и нашими насосами! Наша машина хороша и проста, а когда вы о ней говорите, мне кажется, что я слышу шум машины в Марли. Какое запутанное и тяжелое построение! Какие трескучие слова! Обилие воды, необходимое для столь ужасной надобности, и т. д. Быстрое и сильное вытекание и т. д. Сильная и непрерывная струя и т. д., громадные отверстия трубы, мощные краны и т. д., артериальные трубы (причем тут артериальные?). Неиссякаемая масса, предназначенная для сохранения общественной безопасности (сохранения общественной безопасности!). Это не тот стиль, которого требует Гораций—*rimulimus amni*. Во всяком случае, не следует так напыщенно говорить о собственной благотворительности. Тщеславие может часто сочетаться с талантами, но никогда не с благотворительностью. Оно наслаждается собою гораздо больше, чем взорами и восхищением других людей. И как вы плохо содействовали нашей цели. Вы хотели описать нашу машину и показать ее публике. А между тем, ваши громкие слова прячут ее вместо того, чтобы ее показать. Знаете ли вы слова древнего мужа, у которого спрашивали его мнение об одной трагедии? „Я не мог рассмотреть ее,—ответил он,—слова спрятали ее от меня“».

Злая критика оканчивается следующим образом:

«Прощайте, дорогой сочлен, я был слишком многоречив и многословен. Но когда говоришь с таким великим человеком, как вы, то смущаешься, путаешься, лепечешь, и фразы выходят слишком длинными. Ваша переписка с мадемуазель кавалером д'Эон¹⁵ была немножко повеселее—вы вдвоем вели игру. Вашим гением особенно прониклась эта мадемуазель, когда она вам сказала, что из двух разбойников, которые напали на вас в лесу в Германии, вы убили трех. Разговор двух членов одного предприятия, беседующих о своих интересах, не может быть забавнее этого. Возвращайтесь, скорее возвращайтесь из ваших долгих путешествий. Разве Компания водопроводов и министерские кабинеты могут так долго обходиться без вас? Рассказывают, что во время пребывания вашего в Бордо вы, всегда одинаково щедро рассыпая ваши качества, по очереди говорили перед торговой палатой от имени г. д'Эстена¹⁶ и от имени торговой палаты перед г. д'Эстеном, примерно, как Криспен¹⁷, читая трагедию своего сочинения, поворачивается в одну сторону и изображает принца, а сделав пируэт и повернувшись в другую, изображает принцессу. Я вам скажу—не компрометируйте своей репутации и возвращайтесь в добрый Париж. В Бордо—тонкий народ, и тамошние люди могут поспорить с вами по части веселья».

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ ВОЛЬТЕРА К КРАСАВИЦЕ

Философ, данник увлечения,
 Достоин я любви твоей,
 Лишь полюби, дождусь верней
 И зависти и уваженья.

VI

Париж, 12 июля 1783 г.

Только-что вышел маленький томик, содержащий новые нападки на прах красноречивого и несчастного Руссо; отдельные отрывки из него были напечатаны в «Энциклопедическом Журнале»¹⁸ за этот год. Первая и главная из помещенных в томике статей принадлежит, несомненно, очень изящному перу. Автор ее—г. Серван, бывший генеральный адвокат парламента в Дофине, столь известный прекрасными работами по своей специальности¹⁹. Его новая статья должна, по моему мнению, окончательно утвердить за ним репутацию порядочного человека и отличного писателя; это очень умное, очень умеренное и прекрасно написанное рассуждение о том, какое видное место личные вопросы и отношения занимают в большей части произведений Ж.-Ж. Руссо, а особенно в его знаменитой «Исповеди». Г-на Сервана не следует смешивать с врагами Ж.-Ж.: рассуждая о недостатках автора «Эмиля», он нигде не уклоняется от уважения подобающему таланту и даже добродетелям знаменитого женеvского гражданина. Он жалеет Ж.-Ж. за его заблуждения, за его подозрительность, за его химерические преувеличения и рассматривает эти явления, как следствие его кипучего воображения и слишком развитой чувствительности. Работа г. Сервана написана с увлечением и во многих отношениях должна быть поставлена рядом с сочинениями бессмертного автора «Эмиля». Везде в ней чувствуется честный человек, но все же я боюсь, что, предупрежденный врагами Руссо, он защищает их мнения, думая, что он только

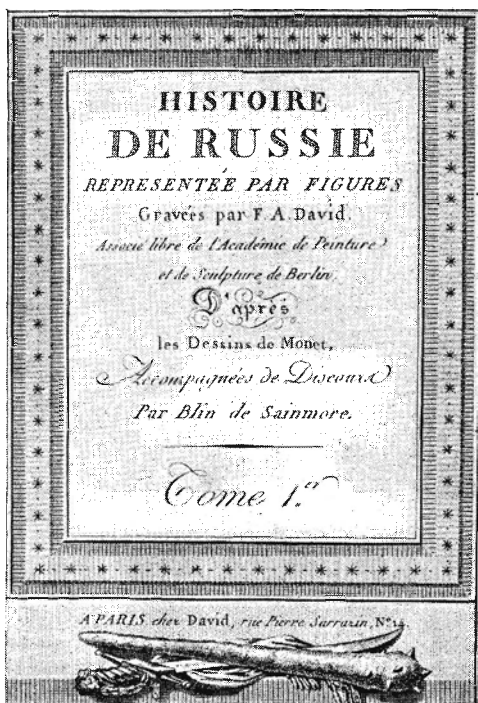

ИЛЛЮСТРАЦИЯ
 ИЗ «ИСТОРИИ РОССИИ» БЛЕН ДЕ СЕНМОРА,
 ПАРИЖ, 1797—1799 гг.

Гравюра Ф.-А. Давида

ШМУЦТИТУЛ I ТОМА „ИСТОРИИ РОССИИ“
БЛЕН ДЕ СЕНМОРА, ПАРИЖ, 1797—1799 гг.

Гравюра Ф.-А. Давида

защищает свои взгляды. Разумно и красноречиво порицает он Руссо за личные выпады, которые Руссо позволял себе в своих сочинениях. Но можно спросить себя, не поступали ли точно так же и другие по отношению к Руссо и не бояться ли репрессалий его враги? Разве не может Руссо бороться с противниками теми же средствами, какими они пользовались, чтобы нападать на него? Не было ли уже давно написано, что Руссо — гордец, неблагодарный человек, лицемер, злодей, даже раньше, чем появилась его «Исповедь»? Повидимому, главная цель статьи г. Сервана — оправдать своего друга г. Бовье, гренобльского адвоката, от обвинений, которые Руссо высказывает в своей 1-й «прогулке», будто Бовье допустил его съесть ядовитых ягод, не предупредив его, что они ядовиты. Возможно, что г. Бовье совсем не знал, что есть эти ягоды опасно и что Руссо необоснованно считает его молчание за преступление. Но мне кажется, что г. Серван, оправдывая своего друга в этом случае, обвиняет его в другом отношении. Возможно, что против г. Бовье Руссо настроили не его слова и не его молчание, но письмо, которое он написал к Руссо с просьбой возвратить 9 ливров, которые какой-то странствующий мошенник занял у бедного ремесленника, назвавшись именем Руссо. Мне кажется, что образ действий г. Бовье, по меньшей мере, нескромен, ибо даже если предположить, что Руссо оказался в столь несчастных обстоятельствах, что занял 9 ливров у бедного рабочего и не мог их отдать, то все же г. Бовье должен был чувствовать, что, требуя эти деньги, он должен был унижить Руссо. Я думаю, что, прежде чем обращаться с требованием, он должен был выяснить факт и удостовериться, был ли действительно женеvский гражданин лицом, которое заняло деньги, и притом сделать это так, чтобы тот ничего не знал, и, только удостоверясь, что это был именно он, г. Бовье должен был отдать 9 ливров рабочему, не говоря об этом деле ни Руссо,

ни кому бы то ни было. Таково должно быть, если я не ошибаюсь, поведение порядочного человека в подобном случае, и таково должно было быть поведение г. Бовье. Можно ли удивляться, если в таком образе действий Ж.-Ж. увидел лишь попытку оскорбить и унижить его? Как бы то ни было, но после искусно, осторожно и красноречиво написанной статьи г. Сервана становится ясно, что Руссо, действительно оскорбляемый и преследуемый, мог часто преувеличивать людскую злобу и упорно сражаться с привидениями, им самим вымышленными. Но было бы несправедливо думать, чтобы такой человек, как Руссо, постоянно ошибался и что все его обвинения были лживыми. Что касается меня, то я знаю, что своими врагами он считал людей, которые на самом деле недостойно оскорбляли его и которые были способны на все, чтобы повредить ему. Значит, он не всегда ошибался? Вслед за этой статьей помещена другая статья того же автора, содержащая мудрые мысли о публикации писем вообще. Г-н Серван доказывает, что нельзя располагать полученным письмом без формального на то согласия написавшего его и что столь частое злоупотребление доверием в этой области есть покушение на самое общество. Опубликование письма в печати без согласия автора и адресата он считает таким же преступлением, как если бы украсть у кого-нибудь кошелек.

VII

Париж, 18 октября 1783 г.

...Я, наконец, прослушал знаменитые тайные мемуары Вольтера²⁰, которых существуют на свете только два рукописных экземпляра и которые их теперешний владелец, согласно самым точным распоряжениям, не может сообщить кому бы то ни было.

Так как я не имел в руках ни одной из этих рукописей, то я только могу дать вкратце представление о духе, в котором они написаны; я слишком мало доверяю своей памяти, чтобы решиться войти в подробности. Сочинение это содержит только то, что случилось с автором при люневильском дворе и еще при другом дворе, при котором он долго жил. Основное содержание хорошо знакомо образованным людям, но манера, с которой он рассказывает самые маловажные события, освежает их легкостью и весельем его пера. Везде встречаются оригинальные и пикантные сопоставления. Есть также несколько любопытных анекдотов, скорее, впрочем, искусно вымышленных, нежели правдивых. Различные чувства, которые автор выражает касательно одного и того же предмета в этом сочинении и в других своих произведениях, не оставляют сомнения, что он солгал или в одном или в другом. Слушая мемуары, действительно, много смеешься, но если новое произведение дает высочайшее представление о таланте автора, о его сарказме и шутке, то далеко не в столь выгодном свете рисует оно его личный характер и степень надежности отношений с ним. Он одинаково насмехается и над друзьями и над врагами. Ничто не избегает его насмешек; никакой тормоз его не удерживает, лишь бы только позабавился читатель. Ж.-Ж. Руссо в своих мемуарах старается обрисовать свои недостатки. Вольтер в своих записках старается только о том, чтобы выставить других в смешном виде. В общем, у всякого порядочного человека чтение этих записок оставляет тяжелое чувство; с болью видишь, что человек, исключительные заслуги которого мы склонны уважать, сам отчасти разрушает то высокое мнение о себе, которое он внушил людям, достигая этого тем, что топчет все принципы нравственности только для

того, чтобы вызвать минутный смех. Восхищаясь его гением, приходится сожалеть, что он так им злоупотребляет. Вторая часть записок касается политических событий, в которых автор тайно играл довольно большую роль. Но как только исчезает его сатирический смех, он перестает быть интересным. Скажу откровенно, что эта часть записок всем слушателям показалась сухой и холодной и что автор становится скучным, когда принимается за рассуждения. Записки начинаются с 1750 г. и оканчиваются 1760 г.

VIII

Париж, 28 февраля 1784 г.

В четверг 26-го во Французской академии происходило публичное заседание, на котором совершался прием графа де Шуазель-Гуффье²¹ на место покойного г. Даламбера и г. Бальи²² на место покойного графа де Трессана²³.

В своей речи г. де Шуазель воздал, по обычаю, должное члену Академии, преемником которого он является, и сделал характеристику важнейших его трудов. Наибольший интерес привлекло изображение заброшенности его детства и той сыновней преданности, которую геометр всегда питал к тем, кто взял на себя заботу о его младенческих годах.

Маркиз де Кондорсе, отвечая г. де Шуазёлю в качестве директора Академии, распространился о научных заслугах г. Даламбера и искусно воспользовался только-что состоявшимся назначением нового академика на пост посланника при Порте, чтобы изобразить острую нужду в помощи, которую Оттоманская империя испытывает в области искусств и просвещения, и чтобы поздравить ее со счастливым выбором нового нашего посланника, столь подходящего для содействия ее просветительным интересам. Г-н Бальи, отдав, в свою очередь, дань обычаю и произнеся тонкое и искусное хвалебное слово в память графа де Трессана, старался доказать пользу участия ученых в литературном движении. В своем ответе г. де Кондорсе пошел еще далее, утверждая, что художественной литературой должны заниматься только ученые, резко нападая на всех несогласных с его мнением. Рискуя попасть в число последних, я беру на себя смелость думать, что литератор, конечно, не должен быть невеждой, но что все же есть такая степень учености, которая вредит теплоте, чувству и воображению писателя. Мне могут назвать двадцать геометров, в произведениях которых были ясность, методичность и точность, но мне не назовут ни одного, который обладал бы теплотой чувства и истинным красноречием.

IX

Париж, 1 мая 1784 г.

... После многих колебаний с разрешениями и запрещениями г. де Бомарше добился, наконец, того, что Французский театр поставил его пьесу под названием «Безумный день, или женитьба Фигаро». Первое представление состоялось в прошлый вторник²⁴. Народа было множество. Толпа была так велика, что даже во время спектакля новая улица Французского театра, достаточо длинная и широкая, была густо наполнена людьми, не доставшими мест. Эта пьеса, усиленно возбуждающая любопытство своей оригинальностью, славой автора и упорством, которое правительство проявляло, чтобы не допустить ее на сцену, совершенно выходит из ряда обыкновенных. Это не комедия, а диалогированный роман, где можно встретить мысли самые сумасбродные, самые удивительные и в то же время

самые веселые, где встречаются самые забавные положения и самые пикантные эпиграммы, какие только можно себе вообразить. Нужно, однако, сознаться, что если пьеса и написана человеком острого и оригинального ума, то в сочинителе не видно ни глубокого наблюдателя, ни настоящего комического автора, ни изящного писателя. Шутки его большей частью дурного вкуса и надуманны. Прибавьте к этому, что общий характер его произведения изобличает в нем один из самых развращенных умов нашего века. Нет благородного чувства или добродетельного принципа, которых он не старался бы поднять насмех. В общем, автор скорее остроумный забавник, чем гениальный комик. Все же, однако, его произведение забавляет, развлекает и, несмотря на свои длинноты, заставляет зрителя смеяться. Пьеса целиком занимает весь спектакль, который оканчивается только к десяти часам.

Хотя ход действия довольно ясен, но интрига обременена таким количеством сложных инцидентов, сменяющих один другой и в то же время лишенных целостности, что в ней нельзя отдать себе отчета, видев пьесу один раз. Вот почему я и не решаюсь дать анализа интриги читателю. Ручаюсь, что это не удалось бы самому искусному журналисту. Достаточно сказать, что пьеса является продолжением «Севильского цирюльника». Интриги Фигаро приводят к тому, что граф Альмавива женится на Розине, но скоро он изменяет ей и стремится обольстить молоденькую Сусанну, предназначенную им для Фигаро. Последний, проникнув в замыслы своего господина, пускается на всякие хитрости, чтобы провалить их, что приводит ко всевозможным недоразумениям.

Пьесу на этой неделе сыграли три раза под ряд, и каждый раз почти с таким же стечением народа. Три первых акта понравились больше, чем два последние. Надо надеяться, что при дальнейших представлениях автор выпустит много таких деталей, которые возбудили ропот.

X

Париж, 8 мая 1784 г.

По случаю изумительного успеха «Женитьбы Фигаро» циркулирует следующая эпиграмма, озаглавленная: «Желание драммана, или неделя розового цвета».

Стал парижанин ветреным повесой!
Вот потчивать себя отважился он пьесой,
И, распотешенный успехом Фигаро,
Он видит: перед ним мелькает жизнь пестро!
К веселью не оступ, чтоб зря не улетели,
Я круглый счет веду безумным дням недели.
Прекрасный Requiem откроет воскресенье,
А в понедельник «Вор-грабитель» у Куртена.
Во вторник «Женневаль» в театре Арлекена,
А в среду «Беверлей» в театре у Соклена,
Засим на бой быков в четверг вблизи Пантена;
Куда-то в пятницу на светопреставленье.
Глядеть, как вешают в субботу—в завершенья! ²⁸.

Вероятно, по той же причине распространяют другую эпиграмму, на «незаслуженные успехи»:

Итти желая в ногу с веком,
 Включающим в число слепцов,
 Согласно римлянам и грекам,
 Любовь с Фортуной, был готов
 Подумать я, что рок упорный
 Вознаградит зато цвет общества отборный,
 Дав Славе острый глаз, чтоб видела она.
 С тех пор, как понял я, что происходит ныне,
 Я мыслю, что в своей гордыне
 И Слава здесь ослеплена.

ОБМАНУТЫЙ РЕВНИВЕЦ. СЦЕНА ИЗ КОМЕДИИ БОМАРШЕ «ЖЕНИТЬБА ФИГАРО»

Картина маслом Л. Буальи

Музей изобразительных искусств, Москва

XI

Париж, 15 мая 1784 г.

Успех «Женитьбы Фигаро» продолжается. Пьеса производит все тот же фурор, и с ней происходит то, что всегда бывает со всеми пьесами, производящими сенсацию. Все о ней говорят и все бегут ее смотреть. На одном из представлений сверху в оркестр и паркет бросали множество экземпляров следующей эпиграммы:

Новинку странную сезона
 Я видел: прихоти полна,
 Через рогатки все закона,

Французов зрелища бесславила она.
 Пороков не сочтешь в сей драме неприличной:
 Бартоло—скряги тип обычный,
 А Альмавива—совратитель;
 И воплощение измен—
 Его жена; вор Дублемен;
 Базильо—клеветник-хулитель;
 Мегера злая—Марселина;
 Фанчетта-скромница не так скромна уж, право;
 Сюзанна боле чем лукава:
 И по сердцу ей паж,—о чудная картина!—
 Любовник госпожи, любимчик господина.
 Какая нравов смесь в интриге на примете!
 Какой бонтон! У всех страх виден на лице.
 И чтоб с реальностью сличить пороки эти,
 Галерка вызвала и автора в конце.

Некоторые несомненно злонамеренные лица утверждают, что г. Бомарше сам напечатал и распространяет эпиграмму, предварительно подделав ее. Я верю этому с трудом, но, во всяком случае, он послал письмо в «Парижский Журнал», в котором приводит текст эпиграммы, обещает назвать имя автора и принести ему благодарность в предисловии к своей пьесе, которое не замедлит появиться в печати²⁶.

XII

Париж, 17 июля 1784 г.

На будущей неделе в Итальянском театре предполагают дать пьесу под заглавием «Любовные похождения Керубина». В ней много говорится о Фигаро. Под прикрытием этого имени в пьесе проводится косвенная сатира на автора «Безумного дня». Сделали так, что личность автора пьесы слита с личностью Фигаро. Комедия «Женитьба Фигаро» попрежнему привлекает толпы зрителей. На 29-м представлении было столько же народа, сколько на первом. Автор новой упомянутой выше пьесы остается неизвестным. Знают только, что музыка принадлежит г. Дезеду²⁷. Эта маленькая комедия непременно наделает шума. Тем временем к Фигаро направлено следующее послание, которое уже успело прославиться:

Служитель Талии чудесный,
 Рядивший в момусов колпак
 Главу Урании небесной,
 Ты жертва зависти и врак,
 Меж тем как досаждали так
 Тебе враги толпой кичливой,
 Из Андалузии счастливой
 Среди харит внезапно ты
 Вновь прилетел в Париж бурливый,
 Яд обезвредив клеветы;
 Привет, дитя мечты игривой!
 Здесь ты находишь верный кров,
 Толпа жестоко осмеяла
 Твоих гонителей—глупцов.
 Вотще их свора ядом слов,

Едва утаивая жала,
Тебя пред троном ославляла
Безумцем, чей злочинный ков
Грозит покою городов,
Предав насмешке лиц степенных;
Компрометирует вельмож,
Не признает особ почтенных
И в выраженьях дерзновенных
Опровергает смело ложь.
Гонимый, ты с Тартюфом схож,
Но ты провел шутов презренных.
Триумф столь славный вдохновил
И пробудил твою отвагу:
Ты нас шедевром угостил.
Взойди же к общему ты благу
На холм священный и без слов
Оттуда изгони ватагу
Попавших чудом в ранг богов.
Насмешку обрати ты в шпагу,
Сорви с главы их ореол:
Чертополох там расцветает,
Где лавр бессмертный древле цвел.
Рази ты тех, кто обирает
Слабейших, сея произвол;
Тех, кто примером заражает
Простой, доверчивый народ;
Тех, кто, блистая мишурою,
С высокомерьем и тщетою
Мнят, что заменой долгу—род,
Что от оброков герб спасет.
Описанные кистью злою,
Сии предатели-жрецы,
Первосвященники Фемиды
И заклеянные лжецы
За туалетом у Киприды,
Свой усыпив деньгами стыд,
Права невинности даруют
И ими, как хотят, торгуют,—
Дельцы, чьи души—точный вид
Бездонной бочки Данаид.
Сих патентованных тиранов
Страшатся все за цепь обманов:
Невинный ими осужден,
Он обесславлен, обречен
На кандалы без сожаленья
Или на меч неправый мщенья.
Но брось врагов, смени свой гнев
На песнь; сыграй нам на гитаре,
Судеб удары претерпев,
О чванных, об их жалком даре;
О наших прихотях, как встарь,

Скажи литанью нараспев.
 Воспой всесильных жен и дев,
 Тайком дарящих в будуаре
 И жезл правителя стальной,
 И шелк для ленты голубой,
 Прерогативы дипломата,
 Чин академика пустой,
 И снежный горностаи с звездой,
 И рясу черную аббата.
 Героя наших дней воспой:
 Себя достойным мнит герой
 Венков Сюффрена, Лафайета²⁸
 За то, что (не победа ль это?)
 Диваны чуть не с бою брал
 И кумушек сживал со света;
 Воспой стяжавших лавр поэта
 Тем, что строчили мадригал
 И кличкой Сафо льстили где-то
 Отменным дурам модных зал
 И королевам туалета;
 Наш вольный нрав воспой без жал
 И злободневное либретто,
 Газет правдивых идеал.
 Яви же, наконец, на сцене
 Веселье вместо скучных драм,
 Располагающих к слезам,
 Вельми любезным Мельпомене.
 Среди проказливых затей
 И острословия удалого
 Искусство воссоздать сумей
 И, много показав смешного,
 В весельи отпусти людей.
 С душой всегда простосердечной
 Храни ты вольности свои.
 Король одобрит их, конечно:
 Бывало ль разве, что Луи
 От правды убегал лукаво?
 Нет, слыша истины сии,
 Король наш выиграет, право!

XIII

Париж, 18 сентября 1784 г.

Один поэт поднес царю Петру Великому русские стихи под заглавием «Привилегии гения». Недавно кавалер де Кюбьер следующим образом перевел эти стихи на французский язык. Петр Великий обещал сочинителю стихов награду, но автор никогда не открыл своего имени²⁹.

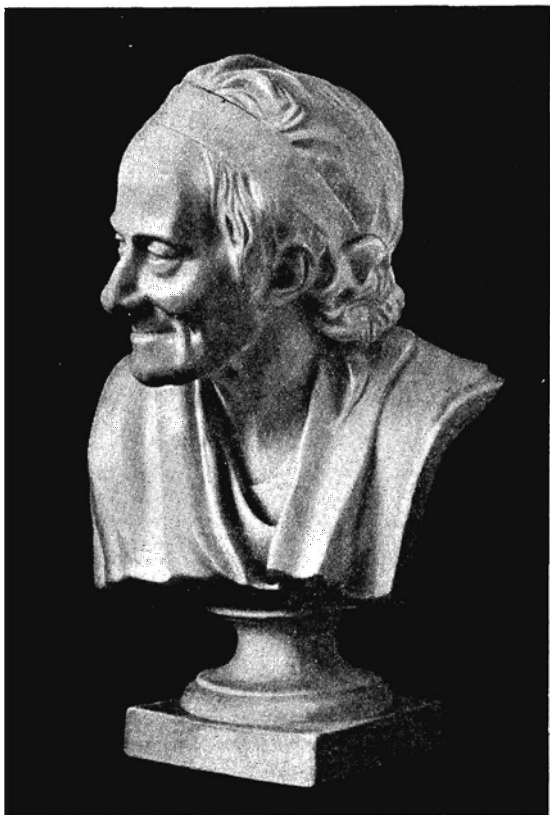
ПРИВИЛЕГИИ ГЕНИЯ

Народы и вы, смертные, дарующие нам законы,
 Пусть ваше гордое чело, при звуках моей песни
 Склонясь к земле, преисполнится святой кротости.

ВОЛЬТЕР

Фарфор завода Гарднера, первая
четверть XIX в.

Исторический музей, Москва

Царь, когда ты стоишь рядом с Гением, ты больше не Великий.
 Независимо от тебя торжествует он над временем и смертью,
 А ты торжествуешь благодаря ему; он один—твоя крепость.
 Хрупким оружием пролагаешь ты дорогу к победам,
 А Гений запечатлевает твои походы навеки в летописях.
 Какую пользу извлекаешь ты из своих кровожадных речей?
 Твое оружие, твоё воинство подчиняет себе тело человека,
 Но владычество гения обширней, оно простирается на человеческую душу.
 Твое царство зиждется на злодеяниях, на мече и пламени,
 И только он один никогда не добивается венка бессмертия насильем.
 Если царю нужен трон, то Гению—алтарь.

XIV

Париж, 9 октября 1784 г.

Пятидесятое представление «Безумного дня», данное в пользу бедных матерей-кормилиц, не дало выручки, на которую рассчитывал г. де Бомарше. Получено только 6 400 ливров, в счет которых граф Эльс³⁰ прислал билетом на учетную кассу 300 ливров. Проект г. де Бомарше относительно матерей-кормилиц не имел того успеха, какой имеет предприятие в пользу родильниц, организуемое Филантропическим обществом³¹. Автор «Фигаро» прибавил к водевилю пьесы несколько новых куплетов, приспособленных к случаю. Вот несколько лучших образцов в исполнении Сюзанны:

Нет, не ради представленья
 Чтим мы день прекрасный сей.
 Ныне цель увеселенья—
 Благо бедных матерей.
 Хоть спектакль пятидесятый
 Служит целям лишь добра,
 Мы смеемся, как вчера!
 Друг, любовь не знает платы,
 Что приятней долга мне?
 Я, как мать и как супруга,
 Выполню его вдвойне.
 И ребенка и супруга
 Сердце любит без забот,
 Каждого и в свой черед.

XV

Париж, 23 октября 1784 г.

Проект г. де Бомарше об организации помощи бедным матерям-кормилицам не был принят сочувственно ни публикой, ни правительством, хотя он и предлагает действительно полезное средство помощи бедным людям. Проект этот вызвал даже появление анонимного памфлета, озаглавленного «Человек с десятью экю. Сочинение найденыша. В Севилье у Бридуазона»³². Я не буду приводить неприличных и глупых насмешек, которыми загрязнена эта брошюра, и изложу читателю только доводы, опровергающие мысли г. де Бомарше. В памфлете пытаются доказать, что расчет его неверен. Автор «Фигаро» предполагает, что рабочий зарабатывает 40 су в день, а жена рабочего—20, что составляет в общем 90 ливров в месяц. Если в конце года появляется ребенок, то жена, чтобы продолжать зарабатывать 20 су, должна отдавать ребенка кормилице с платой в 9 ливров в месяц, что сводит доход семьи до 81 ливра в месяц. Таким образом, муж и жена теряют 9 ливров, не считая дополнительных расходов на содержание новорожденного. Г-н де Б., уплачивая 9 ливров в месяц матери, которая сама будет кормить своего младенца, думает, что этим он возмещает ей 18 ливров, включая те 9 ливров, которые та должна платить кормилице. Но женщина кормящая и поглощенная всецело заботами о ребенке все же не будет в состоянии зарабатывать 1 ливр в день, вследствие чего семья не только не выиграет, но будет терять 21 ливр в месяц, и на ней, кроме того, будут лежать мелкие расходы на ребенка. Мне кажется, что этот расчет опровергнуть невозможно. Но, что касается меня, я иду дальше. Мне кажется, что г. де Бомарше, обязуясь давать по 9 ливров без исключения каждой женщине, кормящей своего ребенка, безрассудно пускается в безбрежное море, ибо я думаю, что уже в первый год за пособием явится до 1 000 женщин (принимая во внимание огромное население столицы, это число не преувеличено). Считая по 9 ливров на каждую женщину, мы получаем 9 000 ливров в месяц, или 108 000 ливров в год. В этот первый год такой расход можно покрыть при помощи 30 000 ливров, пожертвованных двумя друзьями г. де Бомарше, и примерно 60 000 ливров от его «Фигаро», доход с которого он представляет на это доброе дело. Но кто же даст деньги на пособия в следующем году? Можно держать пари, что если в первый год пособие будет оказано 1 000 семействам, то на втором году за получением пособия явятся 4 и 5 тысяч.

Выходит, что подобное предприятие под силу только правительству. А что оно от него получит? Ведь надо принять во внимание, что, заставляя каждую бедную женщину в Париже кормить своего ребенка, можно разорить сельские местности, для которых этот род торговли составляет главный источник дохода. Мне кажется, что проект помощи родильницам, только-что опубликованный Филантропическим обществом, умнее, лучше составлен и легче выполним. По крайней мере, число женщин, получающих помощь, не беспредельно, и при выборе между бедными тех, кто более всего обременен семьею, возможно оказать помощь наиболее достойным. Поэтому-то все проекты этого общества получили одобрение властей и пользуются доверием публики, которая, внося ежедневно денежные суммы в общество, дает ему возможность расширить свои предприятия.

Автор памфлета, как мне кажется, трезвее смотрит на дело, чем г. де Бомарше. Он предлагает вносить в бюро найма кормилиц суммы, предназначенные благотворительным обществом для освобождения заключенных за невзнос платы кормилицам, с тем, чтобы, не сажая в тюрьму бедняков, было бы возможно платить кормилицам, лишь за тех, кто не имеет для этого средств. Было бы, бесспорно, полезнее предупредить заключение в тюрьму бедных людей, нежели помогать им после того, как они туда попали.

Как бы то ни было, но если благотворительные проекты г. де Бомарше терпят неудачу, его пьесы имеют успех беспримерный. Завтра—56-е представление его «Женитьбы Фигаро».

XVI

Париж, 4 декабря 1784 г.

ПОХВАЛА

г. Дидро, библиотекаря е. в. российской императрицы

Дени Дидро, родившийся в Лангре в 1713 г., учился в коллегии иезуитов. Последние, предвидя, что из него выйдет, старались привлечь его в свое общество. Он получил уже тонзуру, а его дядя желал, чтобы он стал каноником. Но отец Дидро воспротивился этим планам, имея в виду передать ему свою торговлю. Конечно, не было никого на свете менее способного стать иезуитом, каноником или торговцем металлическими изделиями, чем Дидро. Его послали в Париж изучать право. Как только отец Дидро узнал, что литература и наука сделались его единственным занятием, он прекратил выплачивать ему содержание. Тогда Дидро пришлось искать ресурсов в его собственных талантах, и после того, как он несколько времени давал уроки математики, он перешел к философским трудам; смелые мнения, выраженные в последних, снискали ему известность, вредную для его спокойствия. Он приобрел ученую репутацию и врагов.

Поручение приготовить французское издание «Энциклопедии» Чемберса³³ привело его вместе с покойным г. Даламбером и другими известными писателями к выполнению работы столь знаменитой и вызвавшей так много нападков. 30 000 экземпляров едва хватило бы, чтобы насытить жадность интересующихся людей всей Европы. Это, бесспорно, одно из самых обширных и полезных предприятий человеческого ума, и хотя Э н ц и к л о п е д и я и далека от совершенства, она всегда останется самым почетным памятником нашего века.

В 1758 г. Дидро издал «Отца семейства», поставленного на сцене только в 1761 г. Прием, оказанный этой пьесе, открыл путь множеству

других драм, из которых иные превзошли свой образец. Тогда в Германии, у северных народов, в нашей провинции и даже некоторые из писателей нашей столицы в драмах Дидро увидели единственный образчик театрального творчества. Столь ошибочное мнение, несомненно, привело бы к полному искажению национального характера французского театра и привело бы его к упадку, если бы люди, одаренные вкусом, не противостояли потоку. Сам Вольтер, прочитав несколько драм этого рода, счел долгом издевательством и насмешками сражаться против тех, кто хулил классическую трагедию и комедию. Малый успех более поздних произведений нанес еще больший удар исключительным сторонникам нового вида комедии.

«Внебрачный сын», изданный в 1767 г., не имел никакого успеха на сцене, где он появился в 1771 г.

Г-н Дидро обладал обширнейшими знаниями, богатым воображением, блестящими идеями, его стиль был полон энергии и жара, но этот жар был часто искусственным. Дидро скоро выдыхался, и, как он сам говорил, ему хорошо удавалась лишь одна, но прекрасная страница. Одаренный и полный неутомимого рвения к наукам, он, казалось, был одинаково знаком со всеми их отраслями. Никто не обладал таким красноречием, как он; он восхищал, увлекал, приводил в восторг слушателей. Его разговоры были выше, чем его сочинения. Слушая его, невозможно было не признать его гениальным человеком, между тем как его сочинения, несмотря на все их достоинства, не позволили бы, может быть, признать его таковым.

Мы не будем говорить здесь о несчастном сочинении г. Дидро³⁴, где он, стараясь реабилитировать память софиста, умершего 2 000 лет назад, оклеветал память знаменитого и несчастного философа, бывшего его другом и пепел которого еще дымился. Говорить об этом—значило бы подражать ему. Пожалеем о его заблуждении и скажем только, что мало знаменитых людей, из жизнеописания которых не хотелось бы вырвать нескольких страниц. Как сказал недавно один известный путешественник, это—излишек славы, от которого их избавляют.

Он был оплакан друзьями и почтен уважением и благодеяниями нескольких государей, а город Лангр поставил в своей публичной библиотеке его бронзовый бюст, исполненный знаменитым г. Гудоном.

В этой похвале уместно упомянуть о случае, служащем к чести как литературы, так и знаменитой Екатерины II. Ее импер-ое в-во, узнав, что г. Дидро находится в нужде, поспешила купить его библиотеку, которую он искал продать, и оставила ее в его пользовании с пенсией в 1000 ливров. Два года спустя государыня выдала ему эту пенсию за 50 лет вперед, а за несколько времени до его смерти, узнав, что его квартирные условия не соответствуют состоянию его здоровья, она приказала нанять помещение, достаточно просторное для ее библиотекаря и для ее библиотеки. В этом помещении на улице Ришелье он и умер 31 июля 1784 г. от последствий водянки.

XVII

Париж, 18 декабря 1784 г.

Я уже сообщил читателю послание к Фигаро. Только-что появился в печати ответ на него со следующим эпиграфом:

И, смыслу вопреки, слог наглый, шутовской,
Глаз обманув сперва, привлек нас новизной.

Буало

Литературный музей, Москва

Regardez, ce courage si gai, adroit, volulaire, en mort
de chagrin. M. Collé qui mourut avec le poète attribué
ou forcé. Il n'y avait aucun nuance, en vieillissant, pas
cette amertume qui avait été si malmenée. Les affections
étaient si caractères. Souvent une dévotion effrénée et il
faisait son œuvre pour lui-même, les "révolutions" la plus
d'écrits, le plus de ceux qui ont écrit, et la mort d'un
homme qui a été, sur le combat à cette malheureuse
en fin de son état de vie. Une pas contrainte à dévotion
chez. Ce n'est pas tout de même, une petite chose. Il n'est
d'ailleurs la mort qui est le 3. novembre 1789.

Dieux Diéux: ne s'engagez en 1713 fut des études au
Collège des Jésuites: au-Li parvint auquel Dieu: cherchant
à l'éducation dans leur ordre. Il fut pourvu et l'on le lui
destinait au même sort, mais on pensa à se priver
deux l'indulgence de ces choses qui jouit son innocence. Ceci admet
surtout faire connaître que le jeune Diéux peut être digne
Chanoine au Collège. On l'envoya à Paris pour y poursuivre;

Итак, мой Фигаро, безумный, беспокойный,
Ты Музу искажил под маской непристойной;
Позорной славой горд, ужель ты возомнил,
Что нами управлять права ты получил?
Ты вкуса тонкого судьей себя считаешь,
Однако, почему отныне полагаешь,
Что смеешь в пасквиле своем, мой дорогой,
Читать мораль Андре достойною строфой?

Придворный, генерал, аббат благочестивый—
Обязан славой ей всегда честлюбивый.
Но всюду скромностью лишь отличён дурак.
О ты, пленяющий скучающих зевак,
Открылась пред тобой блестящая карьера,
Но, милый друг! Что в том, что превзойдешь Мольера?
Тебе парение такое суждено,

Что можешь возмутить ты холодный прах Кино!
 Ужель соперник он и впрямь такой опасный?
 Пусть лютнею своей столь нежной и прекрасной
 Пока еще пленит сограждан дорогих,
 Но, чтоб их поразить, есть много средств других.

Автор имеет, конечно, в виду оперу «Тарар»³⁵ г. де Бомарше и заранее поздравляет его с большим триумфом.

Собою нежного Кино затмишь ты гений;
 Победы одержав и полный дерзновений,
 У Мельпомены вмиг ты выхвати кинжал,
 Над шарлатанами искусства—генерал,
 И крикни: «Господа, чтоб нравиться на сцене,
 «Корнель вольнолюбив и чужд он Мельпомене;
 «Расин нам кажется слащавым; даже он!
 «По мне, не чересчур трагичен Кребиллон.
 «Вольтер... А, впрочем, он—философ своенравный.
 «Отселе требуем, чтоб стиль трагедий славный
 «Бребефа превзошел сумбурием своей.
 «Чем непонятней стих, тем он звучит новей».

Читатель видит здесь образец удовольствий, доставляемых большим успехом.

XVIII

Париж, 5 февраля 1785 г.

Начинаю тем, что сообщаю читателю довольно милую шутку в виде письма, которое ходит здесь по рукам:

«Происхождение знатных домов, их ветви, их брачные союзы—все это предметы дискуссий, достойные внимания ученых; рассеять туман, окутывающий их, значит оказать услугу обществу.

Вот почему я прошу у гг. ученых каких-нибудь подробностей об одном семействе, которое хотя и темного происхождения, но по своей счастливой судьбе и по роли, которую оно играет в настоящее время, заслуживает быть известным до своих самых последних отпрысков.

Семейство, о котором я говорю,—это семейство Фигаро, когда-то без имени, а теперь ставшее знаменитым. Я несколько раз слышал, как Фигаро рассказывал свою историю с мельчайшими подробностями, но я всегда замечал, что он забывает об одном маленьком обстоятельстве.

Он, правда, говорит, что родился в Севилье, что отец его был врач, а мать—некая девица Марселина, веселого нрава и пользовавшаяся всеми своими правами, что он был продан цыганам, что после всяких несчастий и приключений он попал в замок Акуас-Фрескас, где женился на Сюзанне, но, рассказывая о своих несчастьях, он нигде не говорит о том, что был уже женат и даже имел детей. Это создает некоторые затруднения, а, между тем, это легко доказать.

Надо помнить, что несколькими годами ранее (когда Фигаро впутался в Севилье в брак графа Альмавивы) Розина на вопрос Бартоло, почему нехватает нескольких листков почтовой бумаги, говорит, что она взяла один из них, чтобы завернуть конфеты для «маленькой Фигаро». Несколько далее Бартоло опять спрашивает: «А запачканные чернилами пальцы также для маленькой Фигаро?».

Значит, в Севилье была «маленькая Фигаро», которая могла быть дочерью только цирюльника Фигаро, ибо во всей Испании только один он носил это имя.

Может быть, это приемная дочь? Кто же ее мать? Так же ли она богата, как ее отец? Так же ли она любезна, как ее мачеха? Почему она не в Акуас-Фрескас, чтобы увеличить число побед дона Керубино? Вот сомнения, которые я прошу разъяснить мне и одновременно многим другим, интересующимся всеми, кто носит имя Фигаро. Имею честь и т. д.».

Публика, которая, в своей злостности, всегда видит больше, чем ей показывают, увидела в этом письме искусно замаскированную критику на произведение г. де Бомарше, на его происхождение и на его карьеру. Г-н де Б., скромность которого видит еще дальше, чем публика, подумал, как говорят, что письмо написано одним очень высоким лицом, которое иногда любит шутки такого рода. Тон ответа г. де Б., подчеркнутое напоминание о некоторых фактах и неоднократное повторение слова «Monsieur»³⁶ окончательно подтвердило такое предположение, что очень по вкусу г. де Бомарше. Некоторые же думают, что г. де Бомарше сам сочинил и письмо и ответ, чтобы вызвать побольше разговоров о себе и своей пьесе. Вот его ответ:

«Monsieur, получив сегодня утром, по счастливой случайности, достоверные сведения о судьбе «маленькой Фигаро», о которой вы, кажется, беспокоились, спешу сообщить их вам, будучи убежден, что вы предприняли эти изыскания в похвальном намерении быть ей полезным, как только вам известна будет ее судьба.

Ребенок, которого ошибочно называли «маленькой Фигаро», потому что этот добрый малый, тронутый ее несчастной судьбой, заботился о ней из простого чувства человечности, назывался Женеви́евой Валуа. Когда Фигаро переехал во Францию, она и ее мать, очень порядочная женщина, последовали за ним, так как у них не было иного выхода. С тех пор эта работающая девушка вышла замуж в Париже за бедного и честного человека—поденщика в гавани св. Николая, по фамилии Леклюз. Совсем недавно, работая со своими товарищами, он, по несчастной случайности, был раздавлен машиной для разгрузки судов. Он оставил 25-летнюю жену с 13-месячным ребенком и с другим, которому всего 8 дней и которого мать кормит сама, хотя она больна и живет в большой бедности. Товарищи ее мужа, сами бедняки, из жалости к ее печальной участи собрали кое-какие деньги, чтобы временно поддержать ее. Они обратились ко мне сегодня через своего инспектора. Я с удовольствием присоединился к ним и не сомневаюсь, что вы последуете моему примеру. Я послал ей луидор на имя г. Мерле, инспектора гавани св. Николая. К настоящему письму я присоединяю два других с просьбой к издателям «Парижского Журнала» передать их тому же г. Мерле для Женеви́евы Валуа, вдовы Леклюз, вместе с той суммой, какую вам, Monsieur, угодно будет добавить для помощи бедной матери, пораженной горем, больной и кормящей грудью.

Я с радостью узнаю через «Парижский Журнал», что ваш ум и сердце одинаково удовлетворены моим объяснением, единственным, которого можно было требовать от того, кто имеет честь быть и т. д.

Подписано—Карон де Бомарше»

XIX

Париж, 12 февраля 1785 г.

Любознательные люди сохранили в своих портфелях извлечение из письма, написанного из Ферне в 1778 г., хорошо описывающее нрав и характер знаменитого Вольтера. Вот оно:

«Успокойтесь, М. Г., от забот ваших касательно Вольтера. Этот великий человек, привыкший говорить 50 лет, что он умирает, совершенно здоров. Он жалуется, что слеп и глух; на самом деле он читает без очков и имеет очень тонкий слух. Это сухой и проворный старик, немного сгорбленный. В тот день, когда я имел честь его видеть, на нем были толстые башмаки, подвернутые белые чулки, короткий парик, манжеты с нашитым кружевом, закрывавшие ему всю руку, и ситцевый халат. Он очень извинялся перед нами за то, что не одет, но он никогда не одевается иначе. Он вышел к концу обеда. Для великого старца было приготовлено большое кресло, в которое он уселся и быстро поел овощей, печенья и фруктов. Он блещет остроумием. Можно было бы упрекнуть его за некоторую напыщенность и за отсутствие в разговоре острого и живого стиля, столь характерного для его сочинений. После обеда он повел нас в свою обширную, богатую и прекрасную библиотеку. Он прочитал нам некоторые места из редких книг о религии, т. е. против религии, так как именно в этом состоит его очередная мания. Он постоянно возвращается к этому предмету. Он сыграл в шахматы с патером Адамом; хотя последний и не принадлежит к особенно светским людям, но всё же он настолько иезуит, чтобы уметь проиграть игру. Г-н де Вольтер никогда бы не простил ему, если бы тот выиграл. Затем стали играть в игры, где надо было показать свое остроумие, после чего перешли к рассказам о ворах. Когда каждая из дам рассказала подобную историю, г. де Вольтеру предложили рассказать что-нибудь, в свою очередь. Он начал так: «Был когда-то откупщик, сударыни... Я, право, забыл остальное». После этой эпиграммы, несомненно лучшей из сочиненных им в этот день, мы покинули его...

Разыскивают и с жадностью читают новую книгу: «Этюды о природе». Это сочинение приписывается некоему г. Бернардену де Сен-Пьеру, близкому другу и усердному стороннику покойного Ж.-Ж. Руссо; в своих описаниях природы он, как будто, унаследовал часть таланта своего друга.

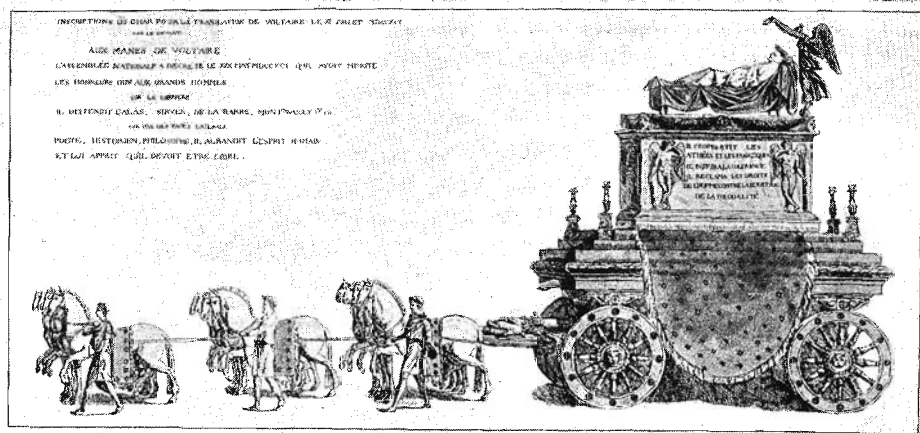
XX

Париж, 9 апреля 1785 г.

Я уже писал, что комедия «Женитьба Фигаро» появилась из печати. Я не буду предлагать читателю анализа этой пьесы, столь перегруженной эпизодами и столь тощей по содержанию. Чтобы разобрать каждый отдельный момент, понадобилось бы слишком много места. Поэтому я ограничусь разбором предисловия, уже наделавшего столько шума до напечатания и с большим трудом разрешенного к изданию вместе с текстом пьесы³⁷.

В предисловии г. де Бомарше всячески старается показать, что комедию питают пороки. В этом он прав: когда картина написана широкими мазками, тем хуже для тех, кто в ней узнает себя. Нет никакого сомнения, что если бы автора комедии останавливала боязнь, что порочные люди будут прилагать к себе общие изображения пороков, которые он дает, то комедия скоро исчезла бы и этот вид творчества обратился бы в пустое зрелище, годное разве только для забавы. Далеко не так прав

г. де Б., когда он старается доказать, что его пьеса очень нравственна. Я думаю, что ему трудно будет доказать просвещенному читателю, что вельможа, желающий соблазнить невесту своего слуги, что женщина, снисходительно выслушивающая приставания влюбленного маленького пажа, что невеста Фигаро, всячески содействующая нескромным желаниям молодого пажа по отношению к графине, что граф, назначающий ночное свидание Сюзанне в уединенной комнате, куда последняя и приходит, что Фигаро, который оказывается незаконным сыном Марселины и Бартоло, причем эти два старых возлюбленных кончают тем, что вступают в брак в один день с сыном,—трудно будет ему, говорю я, убедить, что все эти лица, главнейшие в пьесе, и их поступки представляют собою нечто полезное и нравственное. Можно спросить автора, какую пользу для добрых нравов можно извлечь из этой соблазнительной картины.

КОЛЕСНИЦА ДЛЯ ПЕРЕНЕСЕНИЯ ПРАХА ВОЛЬТЕРА

Современная гравюра неизвестного мастера

Эрмитаж, Ленинград

Я думаю, что ответ был бы для него нелегким. Впрочем, предисловие написано запутанным, тяжелым и достаточно плохим слогом. Самой пикантной и приятной показалась мне последняя страница, и я думаю, что я доставлю удовольствие читателю, приведя ее здесь.

«Вообще,—говорит г. де Б.,—мой главный недостаток заключается в том, что я написал свою комедию не по живым наблюдениям над светом, что она не описывает ничего существующего на самом деле и несколько не отражает общества, в котором мы живем, и что низкие нравы, изображенные в ней, даже не имеют достоинства правдивости. Как раз такие мысли можно было прочесть в одной недавно изданной печатно речи, сочиненной добродетельным человеком, которому нехватало только немного ума, чтобы стать посредственным писателем. Впрочем, посредственный я писатель или нет, но я никогда не ходил виляющей и неверной походкой наемного убийцы, колющего вас стилетом в бок не глядя на вас, и поэтому я держусь приведенного выше мнения. Я признаю, что прошедшее поколение было очень похоже на мою пьесу, что будущее поколение также будет очень на нее походить, но что настоящее поколение

нисколько на нее не похоже. Я признаю, что я никогда не встречал ни мужа, соблазняющего чужих жен, ни безнравственного вельможи, ни жадного придворного, ни невежественного или пристрастного судьи, ни грубого адвоката, ни посредственных, но незаслуженно успевающих людей, ни низких и завистливых переводчиков и что если ни в чем не разбирающиеся чистые души раздражены моей пьесой и без усталости бранят ее, то это только из уважения к своим дедам и из чувствительности к своим внукам. После этого заявления я надеюсь, что меня оставят в покое».

XXI

Париж, 7 мая 1785 г.

В настоящее время выходит четырехтомная компиляция in 8° под заглавием «Историческое изображение ума и характера французских литераторов от возрождения литературы до 1785 г.». Это сборник каламбуров, остроумных рассказов и анекдотов о литераторах от Виллона до Лефрана де Помпиньяна³⁸. Конечно, первые три тома, посвященные старым литераторам, только повторяют прежние сборники этого же рода, и я ничего не буду приводить из них читателю. Четвертый отведен, главным образом, писателям, которых литература потеряла в последние годы,—таким, как Пирон, Ла Кондамин³⁹, Фрерон⁴⁰, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Грессе⁴¹, Дора⁴² и др. Я извлекаю из него наименее известные анекдоты.

Фрерон в обществе был самым веселым, самым мягким и самым любезным человеком. У него было много врагов, и самым опасным и яростным из них был Вольтер. Известно, как он с ним обращался. Но вот что неизвестно: поэт считал журналиста человеком большого ума и вкуса. Один вельможа туринского двора, маркиз де Преццо, просил раз Вольтера указать ему в Париже кого-нибудь, кто мог бы давать ему сведения о всем, что выходит из печати во Франции. «Обратитесь,—ответил поэт,—к этому мошеннику Фрерону; он один может исполнить ваше желание». Вельможа недоумевал; тогда Вольтер добавил: «Да право же, это единственный человек, у которого есть вкус; я должен это признать, хотя я его не люблю и у меня есть основательные причины даже вовсе не терпеть его».

Нижеследующая черточка показывает, какая большая и великодушная душа была у Ж.-Ж. Руссо. С ним завтракал один литератор. Разговор перешел на Вольтера: «Он сделал мне,—сказал автор «Эмиля»,—все зло, какое один человек может сделать другому, но затем он сам отомстил за меня той бранью, какой он меня осыпал». Много говорилось о великом поэте в этом разговоре; наконец, Руссо сказал: «Вольтер сообщил людям так много полезных истин, что над его слабостями надо опустить занавес».

Покидая Англию, Руссо распродал почти все свои книги, думая отказаться от литературы и заняться одной только ботаникой. Гг. Юм и Дютан⁴³ купили их и разделили между собой. В доле второго нашелся экземпляр книги «О духе» с заметками на полях рукою женевского философа: это были материалы для основательного опровержения этой опасной книги. Известно, однако, что Руссо оставил свой проект, как только узнал, что автор книги подвергался преследованиям.

Одна знатная дама задала раз такой вопрос Руссо: «Что содержат ваши знаменитые мемуары?». «Мадам,—ответил Руссо,—я высказал в них все дурное о себе, чего никто не знает, и все хорошее, что я знаю о других». «В таком случае,—возразила дама,—книга будет небольшой».

Г-жа Пура, жена одного лионского банкира, кокетничая с Вольтером, высказала ему среди других приятных вещей, как она интересуется его здоровьем, и повелительно добавила, что необходимо, чтобы он сохранял его. Поэт, которому было уже 80 лет, тотчас же ответил ей с необыкновенной живостью:

Хотите удержать меня вы в сей юдоли.

Я верю вам, мой херувим.

Что нам принадлежит, терять мы не хотим:

Отпустит кто ль раба по доброй воле?

Г-жа Поз, жена откупщика, приехав в свое имение близ Ферне, хотела видеть г. де Вольтера. Зная, как трудно к нему попасть, она сообщила ему о своем желании и, стремясь повысить свое значение в его глазах, велела сказать ему, что она—племянница аббата Террюи. При этом имени Вольтер вздрогнул всем телом и ответил: «Скажите г-же Поз, что у меня остался один только зуб и что я берегу его для ее дяди».

Один остроумный почитатель Вольтера написал стихами следующий его портрет:

ПОРТРЕТ ВОЛЬТЕРА

По краскам—Рубенс он, рисунком—Рафаэль.

Волшебный чародей стиха и трезвой прозы,

Насмешник, чья стрела вмиг попадает в цель,

Срывал он в каждом жанре розы

На золотом, обширном поле дум.

И смех—его секрет, оружие, острый ум.

Как часто в пустячках, которых он создатель,

Под маской безрассудств скрывая разум свой,

Сам не стремясь к тому, он был законодатель!

И с безделушками Эмилии порой

Умел он совмещать шутя компас Ньютона.

То он возносится, то сходит с небосклона,

Он весь из грации и гибкости живой,

Парит орлом и вьется он змеей.

Он Плавту Франции глубины уступает

И щеки Талии он мушкой украшает.

Не столь правдив, сколь колок он и мил,

Нас историческим романом одарил,

Небеспристрастен он, живой повествователь,

И вздор бывает им ценим,

Им соблазняется, как мудрецом, читатель,

Который скукою от истины томим.

Соперник классиков и столь же подражатель,

Все из чужих стихов похищенное им

Украшив, блещет он, великий чарователь.

Как-то, в минуту раздражения против Руссо, Вольтер сказал: «Я хотел бы вырвать все хорошие страницы из романа Юлии»⁴⁴.

Вот как Руссо сам описал свой характер: «Более пылкий, нежели вооруженный знаниями в своих изысканиях, но искренний во всем, даже против себя, добрый и простой, но чувствительный и слабый, всегда поступающий дурно, но всегда любящий добро; связанный дружбой, но никогда не

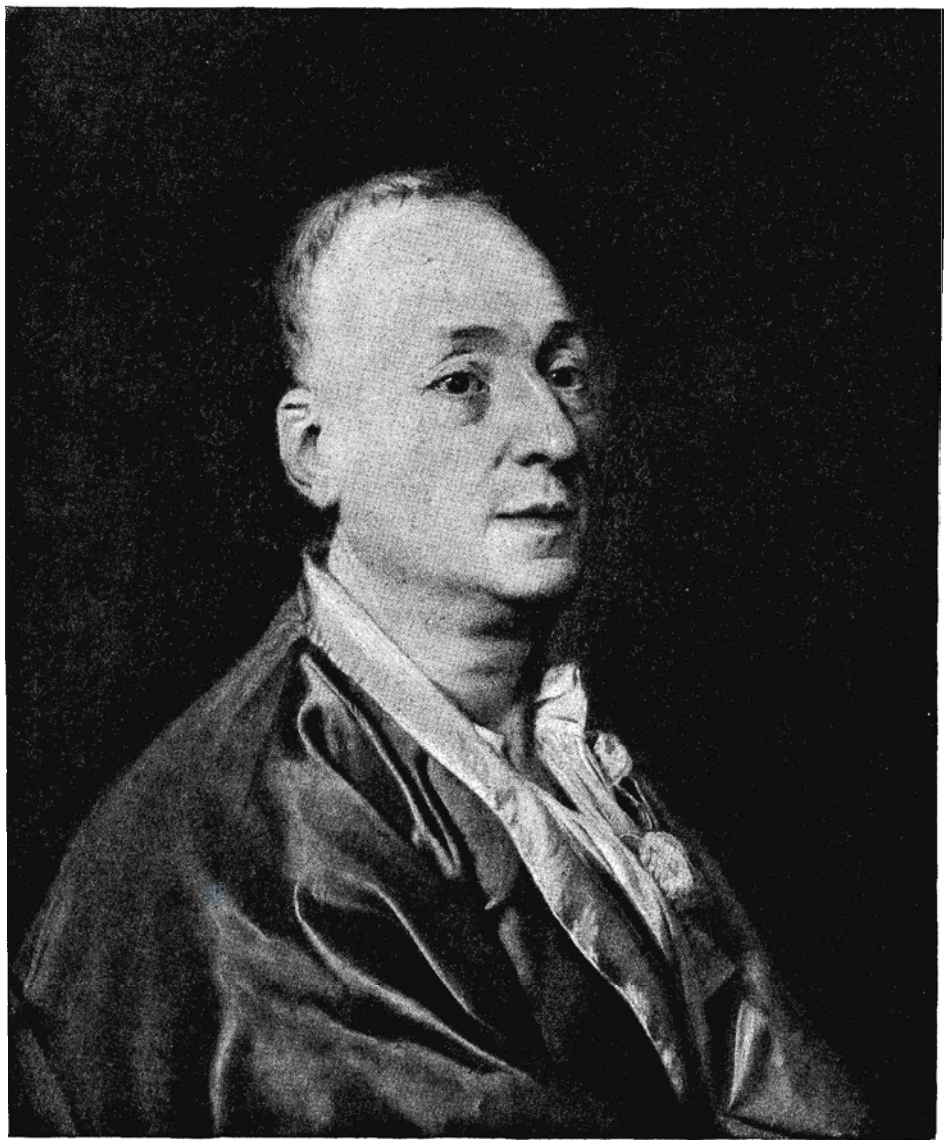
обстоятельствами; чаще следующий своим чувствам, нежели интересам, ничего не требующий от людей и не желающий от них зависеть; не уступающий ни их предрассудкам, ни их воле и оберегающий и свою волю и свой разум, боящийся бога без боязни ада; рассуждающий о религии без вольнодумства, не любящий ни безбожия, ни фанатизма, но ненавидящий нетерпимость еще более, чем вольнодумие; не скрывающий ни от кого своих мыслей, без прикрас и искусственности во всем; сообщающий о своих недостатках друзьям, о своих чувствах всем; подносящий публике правду без лести и без желчи, не боясь ни ее гнева, ни ее расположения».

В этом сборнике можно найти все, что касается последних минут Вольтера, и рассказ об этом занимает не последнее место по степени интереса.

XXII

Париж, 20 августа 1785 г.

Г-н д'Арно уже давно издал сборник анекдотов под заглавием «Отдохновение чувствительного человека». Это сочинение попрежнему пользуется успехом; сейчас выходит пятый том. Он содержит очень интересные вещи. Анекдот, который я привожу ниже, описывает самый, быть может, необычайный, по деликатности и великодушию, поступок, когда-либо совершенный на самом деле или же измышленный; будем для чести человечества думать, что он истинен. Нет никого, кто бы не слышал о знаменитом разбойнике Пугачеве, который 10 или 12 лет назад задумал выдать себя за отпрыск русской императорской крови. Этот варвар, несший с собой повсюду разорение, захватил земли и замок старого русского вельможи, мирно доживавшего век в кругу семьи. Сыновья его были убиты вместе с отцом. Старшая дочь, не желая пережить бесчестия, бросается на шпагу и умирает, моля о небесном мщении. Из этой знаменитой и достойной жалости семьи осталась только молодая Прескавья, столь же трогательная своей красотой, сколько гибелью всех своих близких. Ей предоставили на выбор—или смерть или выдачу победителям. Она без колебания готовилась избрать первую, когда один из жителей этих опустошенных мест встал и сказал Пугачеву, что казнь не есть достаточная месть и что надо более длительно унижить дочь одного из тех вельмож, которые топтали народ ногами. «Отдай ее мне в жены, и я тебе ручаюсь, что ее гордость будет принижена». Пугачев находит мысль эту достойной себя. С пышностью совершается венчание, и новобрачных отводят в их жилище. Несчастливая девушка падает без чувств на камень, находящийся посреди жалкой хижины. Между тем, Алексей (так звали того, кого ей дали в мужья), оглядевшись по сторонам и уверившись, что нет больше свидетелей, бросается к ногам девушки и уверяет ее, что у него нет иного намерения, как спасти ей честь и жизнь. «Нет,—говорит он,—я не злоупотреблю правом, которое я получил насилием. Я—не муж ваш, несмотря на все, что сделано, чтобы нас соединить. Не бойтесь ничего: я навсегда ваш раб, и это единственное звание, в котором я останусь при дочери моих господ». Алексей остался верным своему обещанию: он все время охранял девушку с беспокойной заботой отца и с рвением слуги, преданного своим обязанностям. Он никогда не говорил о браке. Можно было думать, что он отгонял от себя самую мысль об этом и только иногда выпускал вздохи, и слезы стояли в его глазах. Прескавья не раз спрашивала его о причинах, но он всегда отвечал, что не может открыть их. Алексей был молод. Кроме величайшей деликатности чувств, он обладал интересным лицом,

ДИДРО
Портрет маслом Д. Левицкого
Университетская библиотека, Женева

и Прескавья не могла остаться равнодушной к стольким совершенствам. Наконец, распространился слух, что Пугачев получил возмездие за все свои преступления. Что же делает Алексей? Обеспечив всячески безопасность молодой девушки и оставив ее под охраной двух своих родственников, он отправляется в Петербург и бросается к ногам императрицы, умоляя ее расторгнуть его брак. Весь двор слушал его с удивлением, когда вдруг Прескавья, которая тотчас же последовала за ним, несмотря на все старания удержать ее, предстает в то же самое время перед императрицей всероссийской. Она заявляет, что удивительное великодушие Алексея произвело на нее глубокое впечатление, и просит согласия ее величества скрепить те самые узы, которые он хочет разорвать. Напрасно Алексей повторяет неуверенным голосом, что подобный брак не подходит для дочери барона**, что он только бедный крестьянин, который навсегда удовольствуется тем, что будет рабом Прескавьи. Все сердца трогаются. Сама императрица, как бы зачарованная таким великодушием, дав волю слезам, говорит следующие достопамятные слова: «Алексей! Небо сделало вас благородным, я подтверждаю это благородство всем, что может дать ему внешний блеск. Пользуйтесь правами самого высокого рождения. Такая добродетель, как ваша,—высший из титулов. Вы заслуживаете самой блестящей награды; примите руку Прескавьи». Супруги падают к ногам императрицы; они хотят выразить свои чувства, ...и все слышат слова крестьянина: «Я любил ее безумно; я умер бы от горя, если бы наш брак был расторгнут. Но я испустил бы дух с удовлетворением, чувствуя, что исполнил свой долг. Я не скрывал, что я был только рабом, но (обращаясь к императрице), государыня, пусть в. в. судит о моем счастье: я был любим!». При этих словах Алексей и Прескавья бросаются в объятия друг другу, проливая слезы и т. д. В конце концов, их брак скрепляется по всем правилам религии и закона, и оба наслаждаются самым чистым и самым заслуженным счастьем⁴⁵.

Чтение таких анекдотов оправдывает заглавие книги г. д'Арно.

XXIII

Париж, 3 июня 1786 г.

Я только-что получил рукопись, о которой спешу сообщить читателю. Это параллель между Ж.-Ж. Руссо и графом Бюффоном, как писателем. Работа написана г. Эро де Сешелем⁴⁶, генеральным адвокатом Парижского парламента. Вот его содержание.

Сравнивая философские отрывки знаменитого Руссо и не менее знаменитого автора «Естественной истории», я установил следующую параллель между этими великими писателями. Руссо обладает красноречием гения, Бюффон—гением красноречия. Руссо анализирует каждую мысль, Бюффон обобщает науку и снисходит к детализации только в способах выражения. Руссо разбирает и объединяет все чувствования, порождаемые данным предметом. Бюффон выбирает только наиболее значительные и, сочетая их, создает новые. Кажется, что Руссо писал для слушателей, а Бюффон—для читателей. Прекрасные обобщения, которым предавался Руссо, показывают, что он опьянялся своей мыслью: он с наслаждением подходит к ней со всех сторон, пока не исчерпает ее во всех самых малых оттенках. Это круг, который расширяется на поверхности самой чистой воды и постепенно исчезает. Когда Бюффон высказывает общую мысль, то это напоминает как бы связку или пучок мыслей, движение которых ускоряется новыми

мыслями, бьющими тем сильнее, чем дальше они удаляются от исходной точки. Руссо, по свойствам своего характера, почти всегда сосредоточивает мысли вокруг себя, они более относятся к нему самому, чем занимающему его предмету: его произведение отражает только самого автора. Бюффон, обладая глубоким знанием предмета и искусством писать, пользуется всеми умозаключениями с целью раскрыть тайны природы и объяснить ее действия; его стиль, основанный на сочетаниях различных отношений, становится необходимым для предмета стилем; он запечатлевает все, что он описывает, и оплодотворяет все, к чему прикасается. Наконец, Руссо своим деятельным гением придал движение всем чувствам, порождаемым природой, а Бюффон, еще большей деятельностью ума, как будто в себе самом создал еще одно новое чувство.

XXIV

Париж, 19 августа 1786 г.

Когда в Опере с таким успехом давали «Деревенского колдуна»⁴⁷ Руссо, все напевали арии из него, и в особенности арию «В моей темной хижине». Некое лицо упрекнуло Руссо, что он, будто бы, заимствовал эту песенку из старинного церковного гимна, сочиненного в 1612 г. в Женеве по поводу спасения этого города, едва не захваченного полководцами герцога Савойского⁴⁸. Приводя два куплета этого гимна, данное лицо утверждало, что оно узнало его от часовых дел подмастерья, распевавшего гимн и днем и ночью. Враги Ж.-Ж. Руссо стали кричать о плагиате и без труда убедили публику, что мотив был действительно заимствован. Легковерие публики было тем извинительнее, что два нижеприводимых куплета носят характер простоты и наивности, свойственной такого рода произведениям. Читатель может сам судить об этом:

Шеф савойяров смелый
Однажды ночью встал,
Пустился к нам в пределы,
На наш нагрянул вал.
И лесенку без слова
Поставил тотчас он,
Осилил часового
Святой горы Сион.
Коли господь, наш отче,
Дом не построил сам,
Кто ж каменщик иль зодчий,
Который строил храм?
Коль он тебя покинет,
О, избранных страна,
Твоя защита сгинет,
Падет твоя стена.

Когда зачинщик всей этой истории увидел, что людская зависть сделала свое дело, он привел всех в недоумение, признавшись, что все было только обманом с его стороны и что он сам сочинил слова на мотив «моей темной хижины».

То же лицо проделало подобную же шуточку с Мондонвилем⁴⁹, когда тот поставил «Титана и Аврору». Все повторяли прелестный мотив: «Ваше сердце, любезная Аврора...». Наш шутник как-то вечером, ужиная с ком-

позитором в большом обществе, упрекнул его в том, что он воспользовался гимном «О душах в чистилище», слова и музыка которого принадлежали знаменитому миссионеру г. Бридену⁵⁰. Мондонвиль защищался, уверяя, что он сам сочинил арию, и попросил шутника исполнить гимн. Последний, немного подумав, как будто бы вспоминая, спел нижеследующий куплет на мотив, ставший столь модным:

Братьям во Христе и женам!
Вы, глухие к нашим стонам!
Чтобы мы, душой нетленны,
Все попали в рай святой,
Чтоб спасти нас из геенны,
«De profundis» каждый пой.

Все пришли к убеждению, что Мондонвиль был плагиатором; слух этот распространился по всем кафе и в общественных кругах. Мондонвиль был в отчаянии. Но на следующий день шутник написал хозяину дома и Мондонвилю, что все происшедшее было выдумкой с его стороны и что гимн был сочинен им только в тот момент, когда собравшиеся попросили спеть его.

XXV

Париж, 24 марта 1787 г.

О том, что делается в собрании нотаблей⁵¹, ничего неизвестно. Многие думают, что там много спорят и ничего не решают. Пока француз не узнает, что даст это собрание, он кипит, забавляется острыми словечками, эпиграммами, песенками, и подчас случается, что он сочиняет песенки на свой собственный счет. Вот одна из таких песенок; ее распевают в обществе на мотив «Видел ли ты, мой любимый?...»:

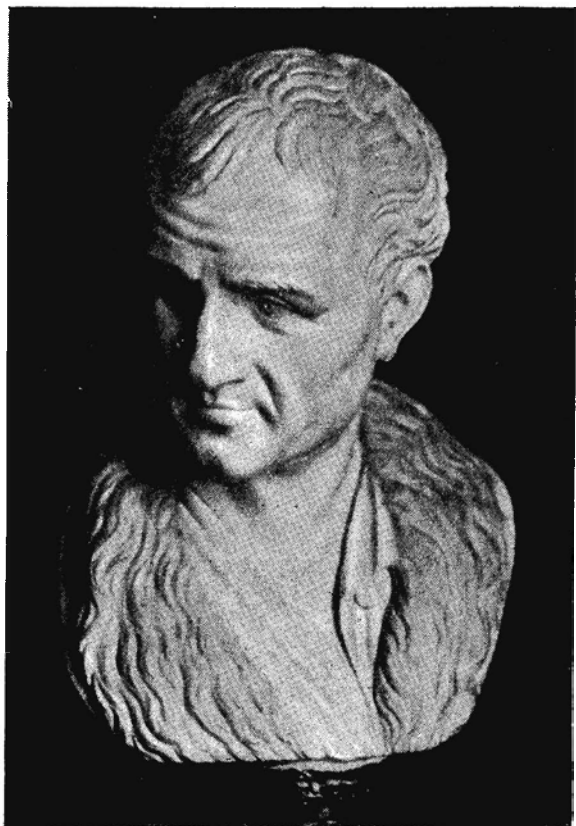
Вам, монсеньер,
Наш контролер,
Привет, покой, отставка.
Как взят он был,
Париж заныл:
Расходов лишь прибавка!
Хороший стол, колода карт
Его бросают вмиг в азарт.
Настанет день
И праздность, лень
Он бросит, не жалея.
Он для господ
Скакать пойдет,
Для знатной ассамблеи.

Новая книга графа Мирабо носит заглавие «Обличение ажиотажа перед королем и собранием нотаблей». В этой книжке около 150 страниц in 8°; автор громит биржевую игру и биржевых игроков, которые уже несколько лет как внедрились в наши финансы. Он разоблачает все их маневры и всю их опасность. Как наиболее отчаянных игроков, он открыто называет гг. Барру, ранее бывшего нотариусом, аббата д'Эспаньяка и графа де Сенефа, который недавно получил очень доходное место казначея случайных доходов⁵². Как результат обличения графа Мирабо, последовала высылка всех трех названных лиц.

ТАЛЬМА В РОЛИ Ж.-Ж. РУССО
В ПЬЕСЕ „ЖУРНАЛИСТ ТЕНЕЙ“

Работа неизвестного французского
мастера, мрамор, 1790-е гг.

Музей „Архангельское“

Мне очень жаль, что гр. Мирабо на целых трех-четырех страницах нападает на управление г. Неккера⁵³. Это дает повод подозревать, что он стакнулся с теперешним управлением финансами. Его обличение ажиотажа настолько резко, что сам гр. Мирабо почувствовал себя в опасности и недавно ночью удрал из Парижа в почтовом экипаже. Все биржевики взбесились и пустили на него эпиграмму, оканчивавшуюся уже не уколom остря, а ударом железной палки:

Пусть проповедь твоя, о грузный Мирабо,
Искоренит воров, изгадивших все дело.
Вновь обращенный вор стать должен палачом
И проповедывать, казня собратьев смело.

Из этого можно видеть, что если г. де Мирабо не пощадил занимающихся ажиотажем, то и они, в свою очередь, не пощадил его.

XXVI

Париж, 7 апреля 1787 г.

Я уже приводил резкую эпиграмму против графа Мирабо. Ее приписывали г. де Бомарше. Граф Мирабо не счел нужным хранить молчание и ответил следующей эпиграммой, не менее резкой, чем эпиграмма, направленная на него:

Меня ты палачом назвал;
О, вор толк в этом понимает!
Мне беспокойства не внушает
Клейменный мною зубоскал.

Г-н де Лагарп читает в лицее лекции литературы и вкуса⁵⁴. Он делает обзор древней литературы, и женщины, которые его посещают, развлекаются на лекциях, потому что показывают себя там. Временный успех делает в настоящее время г. Лагарпа несколько высокомерным. Г-н Лебрён⁵⁵ написал по этому случаю следующую эпиграмму:

Эпиграмма Лебрёна

Воистину, Лагарп во всем неподражаем.
Лишь о стихах прочтет, всем классом мы зеваем.
И, с лекций уходя,—не вижу в том греха—
Нельзя ни одного прочесть его стиха.

XXVII

Париж, 6 октября 1787 г.

В сочинениях путешественников я нашел одно место, которое должно интересоваться русских. Вот оно.

У остяков, народа, обитающего в той части Сибири, которая граничит с самоедами, господствуют совершенно неиспорченные нравы; они не знают ни воровства, ни вероломства и свято выполняют свои обязательства. Один шведский офицер в следующих словах рассказывает о замечательном примере их честности. «В 1772 году,—говорит он,—я отправился из Крусмиджарка по р. Енисея⁵⁶ в сопровождении одного лишь прислуживавшего мне шведа, мальчика 14 лет. Покинутый проводником, данным мне комендантом, я принужден был путешествовать один с этим мальчиком по пустынным странам, населенным одними язычниками. Я жил в их юртах, и они доставляли мне все, что было в их возможности. Ту немногую меховую одежду, которую я имел, я оставил раз в открытой палатке, где жила многочисленная семья, и ничто не пропало. Мне приводили еще более веское доказательство честности этих дикарей. Один русский купец, ехавший из Тобольска в Борисов⁵⁷, провел ночь в остяцкой юрте. На другой день неподалеку от места ночлега он потерял кошелек со 100 рублями. Сын хозяина юрты, возвращаясь как-то с охоты, прошел по тому месту, где лежал кошелек. Он увидал его, но не поднял, а только, придя домой, сказал, что на дороге он видел кошелек, полный денег, и оставил его на месте. Отец сейчас же отправил его обратно, приказав прикрыть кошелек землей и ветвями, чтобы никто из проходящих не мог его заметить и чтобы хозяин кошелька мог найти его на том же месте, если он явится разыскивать его. Кошелек пролежал там 3 месяца. Возвращаясь из Борисова, купец еще раз остановился на ночлег у гостеприимного дикаря и рассказал ему о том, что имел несчастье потерять кошелек в тот самый день, когда он с ним расстался. «Значит, вы потеряли кошелек,—ответил остяк,—так успокойтесь, сын отведет вас туда, где он лежит, и вы сами его возьмете». Так и случилось, и эти добрые люди даже не гордились своим бескорыстием».

XXVIII

Париж, 29 декабря 1787 г.

На одном из последних представлений «Альцесты» покойного кавалера Глюка в Опере г-жа Левассёр⁵⁸ исполняла роль Альцесты. Когда в конце второго акта она пела этот дивный стих:

Он раздирает и вырывает мне сердце,

один из зрителей закричал: «Мадемуазель, вы вырываете мне уши». Его сосед, в восторге от дивной красоты этого места и от того, как оно было передано, возразил: «Какое было бы счастье, мсье, если бы вам их вырвали, чтобы заменить их другими»⁵⁹.

XXIX

Париж, 12 апреля 1788 г.

Гг. де Ривароль и де Шансене⁶⁰, должно быть, избрали злобную насмешку своим жанром и, тем самым, обрекли себя общей ненависти. Совершив при помощи альманаха нападение на более чем 600 граждан, которые им ничего не сделали, они теперь напали на женщин в новом памфлете под заглавием: «Трактат о женской любви к дуракам», с эпиграфом, взятым из Корнеля: «Есть тайные узы, есть симпатии и т. д.». Уже самое заглавие и эпиграф были бы оскорбительными для женщин, если бы в тексте авторы не поносили их еще грубее, стараясь доказать, что женщины любят только дураков. Из брошюры публика сделала вывод, что авторы ее не пользуются успехом у женщин, авторы же хотели заключения, что они очень остроумия, чего, впрочем, их памфлет не доказывает.

Этот памфлет посвящен одной даме, инициал фамилии которой—буква П; подозревают, что это не кто иной, как г-жа Панкук, жена книгопродавца, замешавшаяся в литературу и держащая у себя что-то вроде бюро остроумия, где собираются кое-какие литераторы.

Авторы, прежде всего, устанавливают принцип, что во времена процветания вкуса и ума женщины предпочитали дураков и преследовали гениальных людей. За этим следует несколько литературных портретов, в которых читатель ищет сходства и нелегко его находит. Вот несколько примеров.

Г-жа де Мервиль вступает в свет. Плохое воспитание вселило в нее навсегда предрассудок благородства рождения. Придворный—единственный человек, существование которого она допускает. Видеть одного из них у своих ног представляется ей идеалом счастья, к которому она всегда стремится. Разве она не предназначена к тому, чтобы всегда любить дурака? Она то приближает к себе старика-придворного, который ползает перед любовницей, как перед государем, и ухаживание которого ограничивается четырьмя словами и двумя реверансами; то она привязывается к одному из тех баловней судьбы, всего добивающихся с непоколебимой самоуверенностью, у которых невежество есть средство сделать карьеру, а дерзость составляет единственную заслугу. Иногда ее прельщает блестящий знак отличия. В орденской ленте она видит паспорт глупости и печать прекрасной души, но кто возводит ее на вершину блаженства и дает постоянство ее любви—это один из тех счастливых молодых людей, которым 400-летнее дворянство доставило придворные, охотничьи и бальные костюмы, которые приезжают в Париж объявлять о своих титулах и дать понять о своей кредитоспособности, которые хорошее общество оценивают дворянской грамотой и беззастенчиво посещают дурное, словом, которые вкладывают всю свою глупость в надменность, а храбрость понимают, как дерзость, так что становится отвратительным носить самое имя дворянина. Вот род людей, которым она будет расточать свою бесчувственную благосклонность. Общественное мнение и пример извинят ее, но кто ее исправит? Только возраст и уродство—болезни, против которых, увы, нет помощи и которые более жестоки, чем самое зло.

Вот еще один портрет: г-жа де Вальсе дебютирует в Париже, проявляя большой вкус к развлечениям. Ее кокетство влечет за собой всякого рода расходы. Роскошные драгоценности, крупная игра, частые ужины, ложи в театрах, словом, все разорительные излишества сделались для нее необходимостью. Ее муж состоятелен, но он не владеет королевской казной. Он не ревнует, но у него есть здравый смысл. Что же он делает? Как-то утром он идет к жене и говорит ей: «Ваш образ жизни мне безразличен, но ваши траты меня возмущают. Я спокойно отношусь к вашему скандальному поведению; оно лишает вас уважения столь немногих лиц, что я напрасно ставил бы его вам в вину. Но позвольте мне не потворствовать ему до того, чтобы жертвовать своим состоянием. Я заплачу ваши долги, но с сегодняшнего дня я запираю дом на ключ и возвращаю вам свободу с пенсией в 1 000 экю. Носитесь в сумасбродном свете, пока вы являетесь его украшением, но пусть вашими победами вы будете обязаны только вашим прелестям, ибо от всего другого надо отказаться. Прощайте, я избавляю вас от принятого в подобных случаях поучения; не жалуйтесь на меня, несправедливо было бы вам и ненавидеть меня. Правда, я лишаю вас иллюзий роскоши, но я оставляю вам все ваши смешные стороны».

Он удаляется, не ожидая эффекта столь практического решения. Сначала г-жа де Вальсе машинально плачет, потом, подумавши, она зовет своих горничных и занимается туалетом, готовясь ехать в оперу. Скоро она уже рассказывает всему Парижу о грубости мужа, и притом так красноречиво, что дурак-миллионер предлагает ей свои услуги. Разве она может ему отказать? У него такое пошлое лицо и такие низкие, неподходящие для счастья манеры, что всегда отдалают от женщины злословие. Он в высшей степени и очень кстати великодушен. Боясь, что он покажется противным, можно быстро к нему привыкнуть, а его золото так быстро тратится, что нет времени краснеть от признательности. Разве можно порицать г-жу де Вальсе за то, что она отдается человеку, который сочувствует всем ее склонностям? Ее ли вина, если из общества не изгоняют богатых автоматов, нагоняющих скуку одним своим словом и развращающих одним жестом? Конечно, нет. И все же ее ожидают новые несчастья. Проходят годы. Предложений все меньше. Распутство переживает прелести, и вот она стонет в монастыре над жизнью, которая дала ей тысячу страстей и ни одной мысли, и она все-таки не понимает, что она могла бы жить иной жизнью. В ее руки попадает «Новая Элоиза»: она думает, что открыла новый мир. Картина истинной любви впервые предстает ее взорам. Слог ее восхищает. Тонкость чувств объясняет постоянство любви. Она хочет любить, но время ушло; она еще может быть растроганной, но не в состоянии воспламениться. Она еще несколько лет сожалеет о себе, еще несколько лет переходит от волнения к желанию просветиться и, наконец, умирает от сожалений.

Пусть по этому образцу судят, настолько ли стиль этих портретов пикантен и весел, чтобы простить все эти мелкие низости.

XXX

Париж, 10 января 1789 г.

Раскол между дворянством и третьим сословием растет как в столице, так и в провинции. Все мнения разделились по этому случаю; часто наблюдаются эксцессы, могущие иметь печальные последствия. Дух несогласия доходит до высших пределов в южных провинциях и в Бретани. Сов-

БЮФФОН В КРЕСЛЕ
Статуэтка работы П.-Ф. Томира, бронза, 1788 г.
Эрмитаж, Ленинград

сем недавно из-за неосторожности и упрямства одного дворянина в г. Ренне⁶¹ во всей Бретани едва не вспыхнула междоусобная война. Этот дворянин сидел в театре на сцене⁶² и в шляпе; партер закричал ему: «Долой шляпу», но он, бравируя, нахлобучил ее еще больше, а три других дворянина надели шляпы на голову. Оскорбленный партер удвоил крики, а дворянин бросил шляпу в партер. Сидевшие там встали, вышли и возвратились, вооруженные шпагами, палками, ружьями и пистолетами. В городе Ренне готова была начаться резня, если бы не осторожность командующего гарнизоном, отправившего под арест буйного дворянина, чтобы утишить ропот и брожение. Если в других частях королевства споры не так жарки, то в них все же царит тот же дух беспокойства, и великодушная речь г. Неккера, долженствовавшая водворить мир и умеренность, еще увеличила рознь между обоими привилегированными сословиями, возмущенными тем, что королевский совет пошел навстречу требованиям третьего сословия и что последнее, опираясь на разум и справедливость, находит, кроме того, поддержку в справедливом короле и в мужественном и благодетельном министре. Речь г. Неккера, самая трогательная и самая красноречивая из всех речей, произнесенных министрами с тех пор, как существуют государства, все-таки нашла очень строгих цензоров в тех, кто дрожит за свои привилегии, но вся нация в восторге, и голос ее поднимается, благословляя короля и его министра.

Вполне понятно, что при таком огромном кризисе литературные произведения замечают только, когда они говорят об интересных предметах, о которых в настоящее время повсюду идет речь. Поэтому почти все наши писатели опубликовали в печати свои взгляды, и из всех брошюр, которые появились в связи с созывом Генеральных штатов, можно было бы составить объемистую библиотеку. Интересно отметить, что все брошюры, сочувствующие третьему сословию, составлены гораздо лучше, более убедительны, остроумны и красноречивы, чем немногочисленные брошюры, сочувствующие двум привилегированным сословиям. Любители книг усердно разыскивают только такие, где речь идет о политических вопросах, и пренебрегают всем, что носит исключительно литературный характер. Если все же читают вступительную речь кавалера де Буффле⁶³ во Французской академии, то только потому, что он сумел вставить в нее мысли о предстоящем созыве Генеральных штатов.

XXXI

Париж, 24 января 1789 г.

Граф де Мирабо двумя новыми подлыми поступками привел в полное негодование всех граждан.

Первый поступок состоит в том, что, втершись в доверие к г. Черутти⁶⁴ и заведя с ним переписку о всяких современных делах, в которой тот выказывал ему полное доверие и дружбу, он опубликовал всю переписку без его согласия. Этот бесчестный поступок тем более заслуживает осуждения, что в переписке задето и скомпрометировано много лиц.

Второй заключается в том, что он издал в двух томах замечания о Пруссии, в которых самым возмутительным образом клеветает на всех влиятельных людей в Европе и при нашем дворе. Я незнаком с этим сочинением и даже не хочу его читать. Я всегда питал непобедимый ужас к памфлетам, потому что не знаю ничего подлее и лживее, но это новое сочинение г. де Мирабо, в котором он унижает все достойное уважения, все

знаменитое и добродетельное, вызвало такое общее негодование, что он бежал, и не знаю, где он найдет убежище. Принц Генрих⁶⁵, о котором он выражается очень вольно, был так взбешен его клеветами, что принц Гессенский искал повсюду этого недостойного клеветника, чтобы с ним разделаться. Он имел наглость писать угрозы г. Неккеру. Он вообразил, что этот министр испугается и подкупит его, подобно г. де Калонну⁶⁶. Но г. Неккер в тысячу раз выше его угроз.

XXXII

Париж, 9 мая 1789 г.

В прошлый понедельник провинциальные депутаты собрались в Версале, и король в сопровождении принцев и принцесс королевской семьи торжественно прошел в процессии вместе с Генеральными штатами. Процессия превзошла все виденное до сих пор. Все депутаты были в парадных одеждах. Было очень много народа, везде царствовал полный порядок. Прием, оказанный королем, был самый единодушный и трогательный. Е. в. был им в высокой степени тронут. Его лицо сияло радостью. Очень многие приветствовали также третье сословие. Но с прискорбием было замечено, что епископы и высшее духовенство оставили большое расстояние между собою и священниками и другими духовными недворянского происхождения. Такое разделение было тем более чувствительно, что духовные лица, прелаты и др. должны подавать пример смирения и согласия. Так как депутаты от города Парижа и парижского вице-графства еще не избраны, они не могли присутствовать при церемонии. Процессия прошла во дворец Генеральных штатов, где король открыл их речью, составленной им самим; отеческие чувства, выраженные в этой речи, вызвали шумные рукоплескания.

Хранитель печатей⁶⁷ произнес речь, которой никто не слышал и которая, конечно, будет напечатана. Речь г. Неккера была очень большой, она длилась около двух часов. Ему сильно аплодировали, но о речи говорят различно, соответственно чувствам каждого. Чтобы судить о ней, я подожду, пока она выйдет из печати; это будет в понедельник.

С горестью заметили, что среди депутатов находятся двое злейших врагов г. Неккера—граф де Мирабо и г. д'Эпремениль⁶⁸. Последний только что избран депутатом от парижского вице-графства.

Граф де Мирабо уже выказал самым возмутительным образом свое предубеждение против генерального директора финансов. Он объявил об издании «Газеты Генеральных Штатов». Уже вышли два первых номера. Второй содержит прямые нападки на г. Неккера; видно стремление осмеять его речь. Разумные люди были возмущены. Думают, и не без основания, что королевский министр не может говорить, как говорит нация, и что он обязан поддерживать королевский авторитет. По правде сказать, я думаю, что из-за адвокатов мы проиграем самое лучшее дело. Нет ничего невыносимее, нетерпимее и болтливее, чем это сословие, а оно самое многочисленное среди избирателей. Как бы то ни было, все три сословия или, по крайней мере, третье сословие от города Парижа постановило просить короля, не разбирая вопроса, прав или виноват редактор газеты, отменить приказ Совета⁶⁹ о запрещении газеты. Третье сословие предложило остальным двум присоединить свои подписи к ходатайству. Ожидают их ответа. Ходатайство основывается на том, что вся нация требует свободы печати и что в такой момент, когда нация, представленная

в Собрании, ищет света на базе общественного блага, следует предоставлять публичному суждению все политические споры; говорят также, что общественное мнение само осудит злонамеренных писателей, которые из личного интереса или из пристрастия будут уклоняться от общей цели. Газета была закрыта постановлением Королевского совета; она стоила 9 ливров и должна была выходить три раза в неделю. Подписчиков было 12 000, и число их еще увеличилось бы. Есть другие две газеты, но против них еще не принималось мер.

Парижская дворянская избирательная камера сделала следующее постановление по этому случаю. Она постановила, что одобряет принципы, установленные третьим сословием, и выражает неодобрение журналу. Надо заметить, что дворянство считается настроенным против г. Неккера, а журнал, главным образом, направлен против этого министра. Таким образом, гораздо благороднее не одобрять журнала, а третье сословие, расположенное к управляющему финансами, должно выказать больше беспристрастия.

Интересно также отметить, что г. д'Эпремениль был избран депутатом как раз ровно через год после того дня, когда он был арестован и отправлен на острова св. Маргариты.

Дворянство послало депутацию третьему сословию с уверением, что оно стоит за единение и согласие. Духовное сословие также заявило, устами своего председателя, епископа Виеннского⁷⁰, что оно приняло решение ждать объединения всех депутатов для совместного обсуждения дела. Если это будет так, то успех Генеральных штатов обеспечен. Со своей стороны, третье сословие решило не начинать никакого обсуждения, пока не съедутся все депутаты. До полного съезда всех депутатов они даже не хотят вскрывать пакетов, адресованных Генеральным штатам.

Чтобы показать, что оно также стоит за общее объединение, третье сословие не удалилось в свою камеру. Оно осталось в общей камере на предназначенных для него местах, оставляя пустыми места других сословий, и сообщило им, что оно их ожидает.

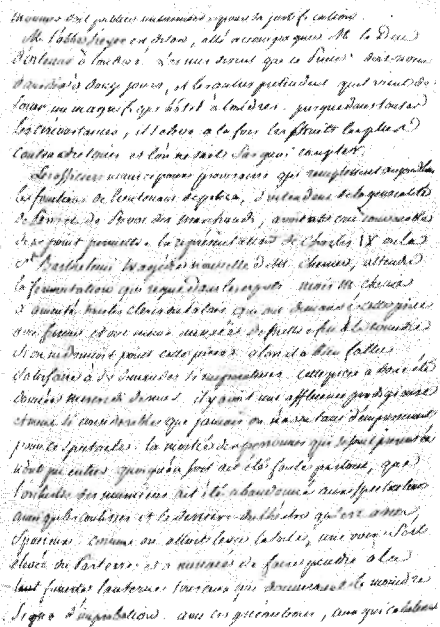
XXXIII

Париж, 7 ноября 1789 г.

Временные служащие муниципалитета, исполняющие теперь обязанности начальника полиции, интенданта Парижского округа и купеческого старшины, нашли неудобным допускать представление новой трагедии г. Шенье «Карл IX, или Варфоломеевская ночь» ввиду царящего в умах брожения. Но г. Шенье взбунтовал всех писцов Дворца суда, которые с остервенением требовали постановки пьесы, грозя в противном случае поджечь Французскую комедию. Пришлось удовлетворить столь категорические требования, и пьеса была дана в прошлую среду⁷¹. Сечение народа было непостижимое; такого никогда не видели в театре. Половина публики не могла войти в театр, а те, кому это удалось, были помяты в толпе, хотя публике был предоставлен оркестр, кулисы и просторная задняя часть сцены. Перед поднятием занавеса из партера послышался голос, угрожавший повесить на уличном фонаре всякого, кто подаст малейший знак неодобрения. При таких предосторожностях все, кто интриговали за пьесу, были полными хозяевами и могли хвалить безо всякой помехи; поэтому на каждом стихе кричали «браво», «брависсимо». Сюжет хорошо

известен, и вторая песнь «Генриады»⁷² воспроизводит его как нельзя лучше.

Главными действующими лицами являются слабый и кровожадный король Карл IX, его мать, Катерина Медичи, — женщина, ужасное коварство которой стремится только к поддержанию власти, честолюбивый и жестокий кардинал Лотарингский, герцог Гиз, его племянник, еще более гордый и жестокий, чем его дядя-кардинал, адмирал де Колиньи, Генрих IV, недавно женившийся на Маргарите Валуа, дочери королевы и сестре короля, и канцлер л'Опиталь, непреклонная честность и трогательная гуманность которого освящены историей. В первой сцене королева пред-

[illegible]

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ БЛЕН ДЕ СЕНМОРА ОТ 7 НОЯБРЯ 1789 г. С СООБЩЕНИЕМ О ПЕРВОМ
ПРЕДСТАВЛЕНИИ ТРАГЕДИИ М.-Ж. ШЕНЬЕ „КАРЛ IX“

Литературный музей, Москва

лагает своему сыну устроить резню; последний, по молодости, содрогается от такого проекта. Кардинал Лотарингский одет в торжественное церковное облачение. Во всей пьесе костюмы эпохи воспроизведены с удивительной точностью. Характеры первых четырех действующих лиц ужасны. Трое остальных обрисованы слабо. Генрих—плакса, равнодушным взглядом смотрящий на убийство своего друга Колиньи и ограничивающийся при этом несколькими проклятиями, л'Опиталь лучше других, но это только слабое [подражание характерам] Бурра и Куси⁷³. Кардинал Лотарингский, кровавый лицемер, призывает заговорщиков к убийствам именем неба и дает им свое благословение. Сознаюсь, что эта сцена, происходящая в присутствии короля, навела на меня ужас. После избиения короля мучат угрызения совести. Трагедия полна декламации, лишена всякого действия и интереса и возбуждает только ужас и отвращение. Повторяю,

что лучшим местом в ней является речь л'Опиталья к королю с попыткой отвлечь его от резни. Роль Колиньи, которая могла бы быть очень интересной, совершенно неудачна, так же как роль Марии Медичи⁷⁴, наводящей ужас, и роль Карла IX, внушающего жалость. На другой день при втором представлении толпа сильно уменьшилась. В воскресенье трагедию дают для депутатов Национального собрания. Уверяют, что Сорбонна взялась за цензуру этого произведения.

XXXIV

Париж, 5 декабря 1789 г.

Самая интересная литературная новость—это выход в свет столь долгожданной второй части мемуаров Ж.-Ж. Руссо⁷⁵. Я их еще не читал и сообщу о них в следующий раз. Если бы все умы не были заняты политическими делами, это издание было бы событием, которое произвело бы самое сильное впечатление. Как бы то ни было, враги красноречивого и несчастного женева, некоторое время оставившие в мире его прах, снова повели искусные интриги, чтобы сделать его память смешной и даже одиозной, хотя и они воздают должное его таланту и славе. Говорят, что очень много людей, принадлежащих к свету, и много писателей, по большей части находящихся еще в живых, сильно скомпрометировано в этих мемуарах. Мемуары вышли в трех толстых томах и в различном формате. Чтобы приобрести их, я жду выхода формата, подобного моему изданию; говорят, что это дело ближайшего времени.

XXXV

Париж, 12 декабря 1789 г.

Во Французском театре, недавно переименованном в Национальный, не проходит дня без скандала. Недавно с большим шумом требовали возвращения г. Ларива⁷⁶ и хотели изгнать г. Флоранса, плохого актера и самого большого интригана, и М-лле Тенар, актрису посредственную, но женщину доброго характера. Партер потребовал, чтобы на афише выставлялись фамилии актеров, играющих в объявленных пьесах. Конечно, при этом условии зритель не обманывался бы в своих ожиданиях и охотнее решался бы пойти в комедию.

«Крестьянин-судья», поставленный на прошлой неделе во Французской комедии, прошел еще более удачно во второй раз. Первые два акта полны веселья и естественности; с некоторыми исправлениями в двух последних актах пьеса, не будучи выдающейся, может иметь посредственный успех. Она принадлежит г. Колло д'Эрбуа, который, насколько мне известно, был провинциальным актером⁷⁷.

XXXVI

Париж, 19 июня 1790 г.

Я всегда думал, что враги революции не пытаются остановить ее развития не потому, что они стремятся к общему благу, как они хотят нас в этом убедить, но для того, чтобы соблюсти свои личные интересы. Бывший недавно со мною случай окончательно меня в этом убедил. Я был приглашен обедать к одной знатной даме; общество было очень многочисленно. Там были прелаты, владельцы церковных бенефиций, военные в высоких чинах, судейские и финансисты. За столом все в полном согласии ворчали на мероприятия Национального собрания. Один перед другим старался

показать недостатки новой конституции. Особенно придирались к недавно проведенным реформам. Что касается меня, я хранил молчание и ограничился только замечанием, что беспорядки в финансах, порча нравов и произвол, которыми мы страдали при прежних министрах, доведены до высшей точки. После обеда со мной заговорил один парламентский советник; предметом разговора была революция. Он начал с того, что оплакивал судьбу магистратуры, говоря, что при новом порядке вещей невозможно будет найти таких неподкупных и просвещенных судей, какие были в прежних судебных местах. В то же время он приветствовал от всего сердца церковную реформу. Он находил неприличным, чтобы духовенство составляло особое сословие, да еще к тому же первое, чтобы оно владело такими богатствами и пользовалось ими на соблазн всем, чтобы оно стремилось стать вне зависимости от какой бы то ни было власти и чтобы, владея наибольшим количеством земельных владений, оно воображало, что имеет исключительное право платить государству только то, что находит нужным; реформу он находил тем более необходимой, что правительство уже несколько раз, но безрезультатно, пыталось ее провести.

После этого я подошел к одному епископу и повел разговор о современных событиях. Прелат отвел меня в амбразуру окна, чтобы беседа не стала общей. «Согласитесь,—сказал он,—что если высшие слуги религии потеряют свое благосостояние и свой импозантный аппарат, у народа не останется к ним ни почтения, ни уважения; унижить высшее духовенство—значит разрушить религию». Он утверждал, что богатство прелатов шло исключительно на облегчение участи несчастных и что при новом порядке вещей именно последние и теряют больше всех. Но он очень одобрял упразднение судебного сословия. Он считал большим достижением и смелым ударом разрушение учреждений, которые одерживали постоянные победы над королевской властью, которые судили несправедливо и которые, в конце концов, захватили бы тираническую власть. Он одобрял и финансовые реформы, считая возмутительным, что человек, вышедший из ничтожества и лишенный какого бы то ни было таланта, мог нажить огромное состояние и, напившись народной крови, вести самую роскошную жизнь, соперничая с первыми лицами в государстве. Тут пришли сказать, что лошади поданы; прелат оставил меня и простился со всеми присутствующими. Тогда я сел рядом с молодым полковником, показавшимся мне наиболее умеренным в этих вопросах. Правда, он не одобрял упразднения дворянских привилегий, но он находил справедливым, чтобы каждый человек платил налоги, он мирился с декретом, допускавшим каждого гражданина к повышению в военных чинах соответственно своим талантам и добродетелям. Он тем более сочувствовал всему этому, что при таких условиях каждый будет обязан повышением своим заслугам и каждый должен будет добиваться таких заслуг. Он находил, что смешно и неполитично, если одно только покровительство и интриги доставляют такие места, которые требуют больших способностей и испытанной честности. Он прибавил даже, что, пока его хартии были ему полезны, он хранил их, но что теперь он собирается их сжечь. Что касается финансиста, то он просто заявил, что уменьшать состояние финансовых столпов—значило испровергать государство и что Франция не сможет долго держаться без их кредита и помощи. Таким образом, каждый сочувственно относился к мероприятиям Собрания, которые лично его не затрагивали, и порицал только те, которые оказывали влияние на его частные интересы. Я остался

последним и дал хозяйке дома отчет о различных моих разговорах. Она смеялась от всего сердца.

XXXVII

Париж, 27 ноября 1790 г.

Представления во Французском театре попрежнему проходят очень бурно. Неистовые демагоги доносят на всех тех, кто аплодирует в местах, не соответствующих их инквизиторским взглядам. Если так будет продолжаться, театр скоро опустеет; а если к этому прибавить стычки, перессорившие актеров между собой, и споры, разъединяющие писателей, то выходит, что театр в настоящее время лишен возможности давать новые пьесы. Все эти неудобства не благоприятствуют посещению первого театра Европы, и если мы не примем мер предосторожности, наш народ, когда-то знаменитый своим изяществом, своим весельем, своими талантами во всех областях, своей вежливостью и обходительностью, служившими образцом для всех других народов, превратится в варварскую орду, от которой так же побегут прочь, как прежде в нас заискивали.

XXXVIII

Париж, 12 февраля 1791 г.

Распространился слух, что тайной пружиной петиции драматических авторов, поданной в Национальное собрание, был союз г-жи Вестрис и г. Тальма с гг. Лагарпом, Палиссо, Шенье и др.⁷⁸. Они хотели поссорить писателей с актерами, встать во главе второго театра и продвигать в нем только преданных им авторов⁷⁹. Тем временем Общество драматических авторов было предупреждено об этом письмом с подписями, но эти господа отнеслись к уведомлению с некоторым пренебрежением. Теперь дело подтверждается. Г-н Палиссо⁸⁰ в письме, полном низости и тщеславия, напечатанном в газетах, объявил себя директором новой труппы. Не знаю, окажут ли писатели доверие человеку, известному своей недобросовестностью и занимавшемуся всю жизнь тем, что чернил лучших писателей.

Г-н Шенье сделал попытку поставить в оперном театре свою трагедию «Генрих VIII, или Анна Болейн». Он уже составил труппу из актеров различных театров, пригласив г-жу Вестрис⁸¹, Тальма, Монвеля⁸² и некоторых других. Все было подготовлено, но Французская комедия запретила своим членам играть в других театрах, кроме самой Комедии, под страхом исключения, и проект г. Шенье не удался. Можно по этому случаю вспомнить о справедливых возражениях г. Блен де Сенмора против той же трагедии «Генрих VIII». Еще в марте 1789 г. он жаловался актерам Французской комедии на разительное сходство между этой трагедией, написанной и принятой в 1789 г., и трагедией «Иземберга»⁸³, принятой в 1786 г. Следует думать, что сходство это не случайно. Около 1788 г. Комедия захотела поставить «Изембергу». Г-н Блен де Сенмор передал рукопись г. Флорансу для переписки ролей. Потом к постановке встретились полицейские препятствия. Г-н Блен де Сенмор потребовал роли обратно, однако, одной из двух рукописей и двух главных женских ролей в руках г. Флоранса не оказалось, а как раз в это время трагедия «Генрих VIII» была написана и принята. Я теперь и прошу каждого беспристрастного человека сказать мне, возможно ли не заподозрить, что рукопись была сообщена г. Шенье и что он приспособил к своему сюжету ситуации и приемы, которые он нашел в «Иземберге»?

XXXIX

Париж, 7 мая 1791 г.

Ошибутся те, кто подумает, что почести, воздаваемые праху г. де Мирабо, окончены. На этой неделе все рабочие благотворительных мастерских и даже женщины и дети, занятые там на ткацкой работе, ходили большой процессией в сопровождении отряда Национальной гвардии, с музыкой в церковь св. Женевьевы, где возложили дубовые и кипарисовые венки на его гробницу. Это не помешало какому-то поэту из аристократов написать следующую эпитафию Мирабо:

О, Кабанис⁸⁴, ты в гроб свел Мирабо, леча.

Какой добычи, друг, лишил ты палача!

Нет человека, о котором суждения были бы столь различны. Одни воздают ему самые пышные похвалы, другие унижают его, как могут. Все признают за ним ту или иную степень таланта, но не все одинаково высоко ставят его нравственность. Я не был с ним знаком и не знаю в точности, где истина, но признаюсь, что все, что я о нем слышал, равно как и большинство брошюр, которые он издал до революции, не внушают мне высокого понятия ни о его нравственности, ни о его талантах. Я признаюсь также, что пропустил несколько случаев, когда мне было легко с ним сблизиться. Я причислял его к тем опасным людям, дружбы и вражды которых следует в одинаковой степени избегать. Нужно сказать, впрочем, правду: в нашей революции он играл одну из главных ролей. В спорах он начинал с двусмысленных выражений, маскировавших его взгляды. По мере того, как росло число сторонников какого-нибудь мнения, он развивал свои принципы, причем оказывалось, что он держится мнения самой многочисленной партии. Свое решение он высказывал ловким и смелым утверждением, которое производило впечатление на массу и приводило в восхищение партию, к которой он склонялся. Но в общем его красноречие не было прямым и открытым; в нем всегда замечалось что-то недосказанное. По моему мнению, лучшим, что вышло из под его пера, было обращение к королю, убеждавшее его величество отвести войска, окружавшие в 1789 г. Париж и Национальное собрание. Несомненно, он был всемогущей душой нашего законодательного корпуса, и после его смерти отсутствие его там очень заметно.

XL

Париж, 16 июля 1791 г.

Церемония перенесения тела Вольтера из Бастилии, куда оно прибыло в воскресенье вечером, в новую базилику св. Женевьевы, один из лучших памятников Европы, имело место в прошлый понедельник 11-го числа этого месяца. Погода была отвратительная. Утром объявили было, что церемония будет отложена, но те, кто привезли короля в Париж, и члены дистриктов⁸⁵ С.-Дени и Бур-ла-Рен пожелали, чтобы она непременно состоялась, и все приказания были отданы на данный день, несмотря на сильный дождь. Кorteж двинулся от Бастилии в 12 часов. Он состоял из многочисленного отряда Национальной гвардии, из депутации от муниципалитета, от департамента и Национального собрания, из учеников художественной школы, из писателей и членов академий. Произведения Вольтера несли два человека в одеждах греческого и римского жрецов. Несли также модель Бастилии. Колесницу с прахом Вольтера везли 12 белых

лошадей по четыре в ряд. На ней было картонное изображение лежащего Вольтера. Слава возлагала венки на его голову. Вокруг колесницы шла группа из 9 муз. Находили, что подобная процессия больше подходила бы полководцу, чем великому философу и великому поэту. Было слишком много военных. Находили также, что колесница была слишком тяжелой и вместе с тем убогой и что изображение человека в позе умирающего не подходит для торжественного апофеоза. Наконец, находили, что вся церемония скорее походила на маскарад, чем на такую церемонию, которая требует достоинства. Правда, что ужасный дождь несколько испортил этот день. Одна женщина из народа забавно сказала: «Национальное собрание уже два года как лишает нас карнавала, но зато оно вознаграждает нас теперь, в июле». Еще я слышал, как один человек из толпы говорил другому: «Знаешь ли ты этого г. Вольтера?». «Нет, по правде сказать, я никогда о нем не слышал». «Что касается меня, я слышал, что он умер уже 13 лет назад, но тоже не помню, чтобы я о нем что-либо слышал». «Хорошо,—возразил первый,—если такие почести воздают человеку неизвестному, то что же сделают для г. Марата?».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это стихотворение *Le Mierre* под названием «*Le ver du Soleil*» является не чем иным, как переводом «Утреннего размышления о божием величестве» Ломоносова (впервые было напечатано в «Собрании разных сочинений» Ломоносова, СПб. 1851). Цитированным строкам соответствуют первые три строфы ломоносовского текста, которые приводим для сравнения:

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли,
И божия дела открыло;
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к Солнцу бrenно наше око
Могло приблизившись возреть;
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся
Борющиеся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

² Тип льстеца выведен в одноименной комедии Жана-Батиста Руссо, «*Flatteur*», написанной в 1696 г. прозой и позднее переложенной стихами.

³ Титул графа и графини Северных носили Павел I (в бытность его вел. князем) и его жена Мария Федоровна во время своего путешествия инкогнито по Европе. В Париже они провели один месяц, с 7 мая по 7 июня 1782 г.

⁴ «*Т а н к р е д*» — трагедия Вольтера.

⁵ Точное заглавие этого произведения Руссо: «*Rêveries d'un promeneur solitaire*». Оно помещено тотчас же вслед за VI книгой «Исповеди».

⁶ Руссо жил в деревне Мотье, в долине Травер в Невшателе, после своего бегства из Франции в 1762 г. Ему пришлось покинуть Мотье в 1765 г. после нападения местных жителей на его дом, последовавшего вследствие происков невшательских кальвинистских пасторов, начавших преследовать Руссо после выхода его книги «*Lettres écrites de la montagne*» (Амстердам, 1764). Бежав из Мотье, Руссо провел несколько недель на острове Сен-Пьер.

⁷ К а й а в а Жан-Франсуа (1751—1813)—драматический писатель и театральный критик; оставил записки, изданные после его смерти.

⁸ То же, что театр Французская комедия.

⁹ Трагедия Лагарпа, написанная в 1781 г.

¹⁰ Л а л а н д (1732—1810)—знаменитый астроном.

¹¹ К о н д о р с е Жан-Антуан, маркиз (1743—1794)—литератор, философ и политический деятель. Член Французской академии с 1782 г. Впоследствии член Национального собрания и Конвента.

¹² Г а л л е р Альберт (1708—1777)—знаменитый швейцарский ученый—физиолог, анатом, ботаник и библиограф.

¹³ В первом издании «Свадьбы Фигаро» (Париж, 1780) и во всех последующих никакого посвящения комедии кому бы то ни было не имеется; но интересен самый факт существования такого намерения, о котором до сих пор ничего не было известно. Отметим, что Блен де Сенмор повсюду называет знаменитую комедию «*Les Noces de Figaro*», а не «*Mariage de Figaro*».

¹⁴ Бомарше был одним из главных деятелей «Компании парижских водопроводов», основанной в конце 1770-х годов. В половине 80-х годов компания процветала, и ее акции, выпущенные по 1 200 фр., стоили 3 600 фр. Однако, в деловом мире компания имела много врагов. Отголоском этой вражды была брошюра Мирабо «*Sur les actions de la compagnie des eaux de Paris*», изданная в Лондоне в 1786 г.

¹⁵ Кавалер Карл-Женевьева-Луиза д'Эон де Бомон (1728—1810)—одна из загадочных авантюристских фигур XVIII в., в молодости драгунский офицер, позднее дипломатический агент, действовавший сначала при русском дворе, где впервые носил некоторое время женское платье, и затем в Англии. В 1777 г. французское министерство иностранных дел обязало его всегда носить женское платье. С 1784 г. д'Эон не покидал Англии. Посмертное освидетельствование подтвердило, что он был мужчиной. В 1775 г. Бомарше имел поручение в Лондон получить от д'Эона бывшие у него секретные бумаги.

¹⁶ Адмирал граф д'Эстен (1729—1794) командовал в 1783 г. соединенным франко-испанским флотом, действовавшим против Англии в европейских водах.

¹⁷ К р и с п е н—тип комедийного слуги, смелого и ловкого выходца из низов, фигурировавший в нескольких популярных комедиях XVIII в. и, прежде всего, в комедии Лесажа «Криспен—соперник своего господина».

¹⁸ «*Journal Encyclopédique*», основанный Пьером Руссо в Льеже в 1752 г. Сотрудниками журнала в числе других были Вольтер, Прево и Шамфор.

¹⁹ С е р в а н Жозеф (1737—1807)—писатель, судебный деятель и оратор, генеральный адвокат при Гренобльском парламенте. В 1787 г. его статьи и мысли о Руссо были собраны в отдельном томе под заглавием: «*Réflexions sur les Confessions de J.-J. Rousseau*».

²⁰ Речь идет о записках Вольтера под заглавием: «*Mémoires pour servir à l'histoire de Voltaire écrits par lui-même*». Через год (в 1784) они были напечатаны в Париже.

²¹ Граф Ш у а з ё л ь-Г у ф ь е де (1752—1817)—дипломат и археолог, автор труда «*Voyage pittoresque en Grèce*» (1782), открывшего автору двери Академии. После этого жил в России, где Павел I поручил ему управление Академией художеств. Вернулся во Францию в 1799 г.

²² Б а л ь и Жан-Сильвен (1736—1793)—астроном и литератор. В 1789 г. после взятия Бастилии был избран мэром Парижа. Погиб на эшафоте в 1793 г.

²³ Граф де Трессан Людовик (1705—1783)—военный деятель и писатель. Был избран в Академию в 1781 г. Один из деятелей по изучению и воскрешению старофранцузской и провансальской средневековой поэзии, находившейся в XVII и XVIII вв. в полном забвении.

²⁴ Комедия Бомарше была в первый раз исполнена на сцене 27 апреля 1784 г.

²⁵ В неделю парижанина перечисляются наиболее популярные зрелища того времени. Беверлей—герой драмы «Игрок» английского писателя Эдуарда Мура (Moore), переведенной в 1762 г. на французский язык Брюте де Луарсон и шедшей с успехом на французской сцене; зрелища в четверг и субботу следует понимать в буквальном смысле. Объяснить «*Joli Requiem*», «*Jenneval*», «*Les grands voleurs*», «*Spectacle infernal*» не удалось.

²⁶ Письмо Бомарше напечатано в № 135 «*Journal de Paris*», 14 мая 1784 г.

²⁷ Дезед (1740—1792)—популярный в те годы оперный и опереточный композитор.

²⁸ С ю ф ф р е н—знаменитый французский флотоводец, прославившийся, главным образом, в войнах против Англии в Индийском океане; Л а ф а й е т был в то время известен, как герой войны за освобождение северо-американских колоний Англии.

²⁹ Кавалер де Кюбьер (1747—1820)—второстепенный поэт, подражатель Дора (см. прим. 42-е). Русского оригинала стихов и их автора установить не удалось.

³⁰ Граф Эльс—титул, который носил во время своих поездок во Францию принц Генрих Прусский (1726—1802), брат Фридриха Великого.

³¹ Филантропическое общество было основано в 1779 г. при ближайшем участии Блен де Сенмора, который и позднее оставался одним из его самых деятельных членов (см. его письма по поводу деятельности Филантропического общества в «Journal de Paris» за 1781 и 1782 гг.).

³² Бридуазон—комический персонаж из «Свадьбы Фигаро», в лице которого Бомарше осмеял судебное сословие.

³³ Чемберс (Chambers) Фраим (ум. в 1740 г.)—составитель первой энциклопедии на английском языке. Ее первое издание в двух томах вышло в 1728 г. В 1748 г. книгоиздатель Лабретон обратился к Дидро с предложением перевести ее на французский язык. Это было началом работ Дидро и Даламбера над знаменитой Энциклопедией.

³⁴ По всей вероятности, дело идет о нападках Дидро на Руссо в «Essai sur le règne de Claude et de Néron» (Р., 1778). Софист, умерший 2 000 лет назад,—Сенека. Возможно также, что это намек на нападки на посмертный труд Гельвеция «De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation», содержащиеся в одной из последних работ Дидро «Réfutation du livre De l'Homme par Helvétius».

³⁵ «Тарар»—опера; либретто Бомарше, музыка Сальери. Ее первое представление состоялось 8 июня 1785 г.

³⁶ Monsieur—титул старшего из братьев короля; в то время он принадлежал графу Прованскому, впоследствии королю Людовику XVIII.

³⁷ Первое печатное издание «Свадьбы Фигаро», под единственным заглавием «Безумный день», появилось в 1784 г. в Париже. Предисловие служило как бы ответом Бомарше на все те бесчисленные нападки, упреки и критические отзывы, которым комедия подверглась со времени ее первой постановки. Блен де Сенмор приводит только одну выдержку из последней части предисловия. Он опускает при этом основную мысль Бомарше, выраженную следующими ироническими словами: «Итак, «Безумный день» объясняет, каким образом в счастливые времена, при справедливом короле и умеренных министрах, писатель может громить обидчиков, не боясь оскорбить кого бы то ни было».

³⁸ То-есть от XV до XVIII вв.

³⁹ Ла Кондамин (1701—1774)—математик, литератор и путешественник по Южной Америке.

⁴⁰ Фрерон (1719—1776)—критик и журналист, литературный враг Вольтера, отец члена Конвента Фрерона.

⁴¹ Грессе (1707—1779)—поэт; один из крупнейших мастеров антирелигиозной сатиры во Франции XVIII в.

⁴² Дора (1734—1780)—поэт, произведения которого могут служить образцом фривольной французской поэзии XVIII в.

⁴³ Дютан Луи (1731—1812)—филолог и нумизмат, французский кальвинист, нашедший убежище в Англии.

⁴⁴ Юлия—героиня «Новой Элоизы» Руссо.

⁴⁵ Анекдот о «Прескавье» следует считать отзвуком баснословных рассказов и небылиц, ходивших в Европе в годы после восстания Пугачева. Имя героини и некоторые детали напоминают отдаленно сюжет известной повести Ксавье де Местра «Параша-Сибирячка».

⁴⁶ Сешель Мари-Жан Эро де (1760—1794)—друг Дантона, казненный вместе с ним. Был членом Конвента и членом Комитета общественного спасения. Ему принадлежит работа «Visite à Buffon», вышедшая в 1785 г.

⁴⁷ «Le Devin du village»—наиболее известное из музыкальных произведений Руссо, комическая опера (написана в 1752 г.).

⁴⁸ Имеется в виду знаменитая Эскалада—неудачная попытка войск Савойского герцога Карла-Эммануила I взять Женеву приступом в ночь с 11 на 12 декабря 1602 г.

⁴⁹ Де Мондонвиль Жан-Жозеф-Кассанеа (1711—1772)—композитор опер и ораторий.

⁵⁰ Бриден—католический проповедник XVIII в., известный своим красноречием.

⁵¹ Собрание нотаблей, созданное в январе 1787 г. по поводу кризиса государственных финансов Франции, состояло из членов, назначенных королем. Собрание отвергло большую часть проектов поправления финансовых дел, предложенных генеральным контролером финансов Колонном. Нападки, которым Колонн подвергся

ГУДАР ДЕ ЛА МОТТ
Портрет маслом Алексиса Гриму
Эрмитаж, Ленинград

в собрании, привели 8 апреля к его увольнению. Проекты, предложенные его преемником, Ломени де Бриенном, были встречены с таким же несочувствием, и собрание нотаблей было распущено 25 мая того же года. Неудача нотаблей была исходной точкой мысли о созыве Генеральных штатов.

⁵² С л у ч а й н ы е д о х о д ы («parties casuelles») — ненормированные и случайные поступления от пошлин и казенных доходов. Исторические источники того времени нередко сообщают об огромных биржевых выигрышах. В частности, это сообщается о д'Эспаньяке.

⁵³ Н е к к е р Жак (1732—1804) — женеvский банкир, «генеральный директор» (министр) финансов до революции, инициатор созыва Генеральных штатов; его изгнание королем (12 июля 1789 г.) послужило толчком к народному возмущению, приведшему к восстанию 12—14 июля. В дальнейшем, по мере развития событий, Неккер постепенно перешел на сторону контрреволюции, потерял популярность и удалился от политической деятельности.

⁵⁴ Речь идет о знаменитом курсе истории литературы, читавшемся Жаном-Франсуа де Лагарпом с 1786 по 1789 гг. во вновь основанном лицее. Курс этот был проникнут тенденциями догматического классицизма и рационализма и имел огромное влияние на формирование литературного вкуса современников и ближайшего поколения вплоть до победы романтизма. Первое издание: *Le Lycée*, 17 vv., 1799.

Отношения между Лагарпом и Блен де Сенмором были очень натянутыми, что отразилось и в комментируемом отзыве Блена. Лагарп в своих лекциях отзывался о Блене крайне резко и насмешливо, а еще раньше подверг ожесточенной критике его сочинения «*Euphrate à Racine*» и трагедию «*Orphanis*», написанные в 60-х годах XVIII в.

⁵⁵ Вероятно, это Э к у ш а р - Л е б р е н Понс-Дени — автор многочисленных эпиграмм, дифирамбов и од, стяжавший себе прозвище «революционного Пиндара». Его лирика послужила образцом для Беранже, Барбье и др.

⁵⁶ Несомненно, дело идет о Красноярске на Енисее.

⁵⁷ Несомненно, Березов.

⁵⁸ Л е в а с с ё р Розали — сопрано Парижской оперы, наиболее прославленная исполнительница женских ролей в операх Глюка.

⁵⁹ Приводимый Бленом анекдот интересен, как живое свидетельство той длительной и страстной полемики (борьба «глюкистов» с «пиччинистами»), которой сопровождалось внедрение во вкусы слушателя знаменитой оперной реформы Глюка. На парижской сцене «Альцеста» была впервые исполнена еще в 1777 г.

⁶⁰ Р и в а р о л ь Антуан (1753—1801), называвший себя графом де Ривароль, — сын лангедокского трактирщика, сатирический писатель, памфлетист и пасквильер, обладавший очень острым пером. Приобрел скандальную популярность своим «*Petit almanach de nos grands hommes pour 1788*», вызвавшим бурю негодования в литературных и ученых кругах. С 1789 г. сделался глашатаем самой темной реакции и контрреволюции; умер в эмиграции. Его постоянным сотрудником был кавалер де Шансене, из дворянской семьи, беспринципный кутила; в политическом отношении он был столь же реакционен, как Ривароль; погиб на эшафоте.

⁶¹ Р е н н — главный город провинции Бретани, теперь департамента Илль и Виллен. Обычай размещать привилегированную публику на самой сцене еще сохранялся в то время в провинции.

⁶² К а в а л е р д е Б у ф ф л е (1738—1815) — военный и политический деятель, член Учредительного собрания и в то же время остроумный поэт легкого и флиртового жанра. Эмигрировал в 1792 г., возвратился во Францию в 1800 г.

⁶³ С е р ю т т и (вернее, Черутти) — иезуит и литератор, родом из Пьемонта (1738—1792). После упразднения ордена иезуитов занимался исключительно литературными работами. Будучи близким человеком к Мирабо, был его сотрудником и подготовлял для него политические речи.

⁶⁴ П р и н ц Г е н р и х П р у с с к и й — см. прим. 30-е.

⁶⁵ К а л о н н (1734—1802) — генеральный контролер финансов с 1781 по 1787 гг.

⁶⁶ Хранителем печатей, т. е. министром юстиции, был в то время Барантен — личность безвестная и незначительная.

⁶⁷ Д'Э п р е м е н и л ь Жан-Жак-Дюваль — советник Парижского парламента. Один из вождей парламентской оппозиции, вызвавшей закрытие парламента в 1788 г. В связи с этим д'Эпремениль был сослан на острова св. Маргариты (около Тулона). В Учредительном собрании играл контрреволюционную роль.

⁶⁸ К о р о л е в с к и й с о в е т, состоявший из министров и некоторого числа высших сановников, делился на пять департаментов: совет по иностранным делам, или государственный совет, финансовый совет, совет по делам торговли, тайный совет (печать, цензура, тяжёбные дела) и совет внутреннего управления.

⁷⁰ Председателем духовного сословия был епископ Виеннский, Лефран де Помпийян Жан-Жорж.

⁷¹ Шенье Мари-Жозеф (1762—1811)—крупнейший драматург эпохи революции, младший брат Андре Шенье. Трагедия Мари-Жозефа Шенье «Карл IX, или Варфоломеевская ночь» была впервые поставлена на сцене Французской комедии 4 ноября 1789 г. Представление «Карла IX», описываемое Бленом, вылилось в крупную политическую демонстрацию. После премьеры Дантон сказал: «Если Фигаро убил знать, Карл IX убьет королевскую власть».

⁷² «Генриада» — поэма Вольтера.

⁷³ Здесь в оригинале пропуск двух слов, восстановленный предположительно. Бурр — действующее лицо в трагедии Расина «Британник».

⁷⁴ Ошибка Блена; нужно — Катерина Медичи.

⁷⁵ Блен де Сенмор говорит здесь о первом полном издании «Исповеди» Руссо, вышедшем в 1790 г. в Париже в семи томах in 8°.

⁷⁶ Модюи Жан, по сцене Ларив (1747—1827), — актер Французской комедии, заменивший в ней знаменитого Лекзена после его смерти. В 1788 г., освистанный в роли Оросмана в вольтеровской трагедии «Заира», Ларив удалился в провинцию и появился в Париже лишь в годы революции, в 1790 г. При этом лишь уговоры аббата Гутта, президента Национального собрания, взывавшего к патриотическим чувствам актера, могли заставить Ларива вернуться во Французскую комедию.

⁷⁷ Колло д'Эрбуа (1750—1796) был действительно и актером и директором театра в Женеве; позднее член Конвента (им был отдан приказ об аресте Робеспьера), умер в Кайенне, куда был сослан в связи с восстанием 12 жерминаля (1 апреля 1795 г.). Его комедия «Le paysan magistrat» была впервые представлена во Французской комедии 7 декабря 1787 г.

⁷⁸ Речь идет об известной петиции драматургов, поданной Лагарпом в Учредительное собрание в августе 1790 г. с требованием отмены существовавшего монопольного права Французской комедии на драматические произведения. Лишь 13 января 1791 г., после длительной борьбы, Учредительное собрание отменило эту монополию и декретировало свободу театров.

⁷⁹ После знаменитого раскола во Французской комедии левая «патриотическая» часть труппы во главе с Тальмá организовалась в особый театр революционного направления. Он открылся на ул. Ришелье 27 апреля 1791 г. представлением трагедии М.-Ж. Шенье «Генрих VIII».

⁸⁰ Палиссо Шарль (1730—1814) — литератор и драматург. Прославился сначала ожесточенной и остроумной войной, которую вел против энциклопедистов и просветительной философии, в частности, Руссо и Дидро. После революции резко меняет фронт, становится приверженцем новых принципов, сближается с радикально настроенными группами литераторов и артистов и, вмешавшись в театральные распри революционного времени, яростно защищает своих новых друзей — М.-Ж. Шенье и Тальмá.

⁸¹ Г-жа Вестрис (1746—1805; девичья фамилия — Дюгазон) — трагическая актриса, сестра знаменитых актеров Французской комедии, брата и сестры Дюгазон.

⁸² Буте Жак, по сцене Монвель (1745—1812), — один из первых актеров Французской комедии. В революцию примкнул к крайней левой, действовал вместе с Тальмá, играл революционный репертуар.

⁸³ Трагедия Блен де Сенмора никогда не появилась на сцене. Ее сюжет взят из истории брака французского короля Филиппа-Августа (1180—1223) с дочерью датского короля Изембергой, точнее Ингеборгой.

⁸⁴ Кабанис Пьер-Жан-Жорж (1757—1808) — медик и философ-сенсуалист. Был политическим сотрудником и в то же время врачом Мирабо. Его обвиняли в том, что своим неумелым лечением он вызвал или, по крайней мере, ускорил смерть Мирабо.

⁸⁵ Дистриктом называлось подразделение департаментов, введенное Учредительным собранием и уничтоженное конституцией Третьего года. В 1789—1790 гг. Париж был также разделен на кварталы и дистрикты, позднее замененные секциями.